

ISSN 2312-332X

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

№ 1(24)

2014

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2014
№ 1(24)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский государственный
университет

Издается с 1997 г.

© ФГБОУ ВПО «Самарский
государственный университет», 2014

© «Самарский земский
сборник», 2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)

В.Н. Данилов

Э.Л. Дубман

Н.Н. Кабытова

В.В. Кондрашин

Ю.Н. Смирнов

О.Б. Леонтьева

Ответственный секретарь

Э.Л. Дубман

Художественный редактор

Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Подписано в печать 19.11.2014. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. 6,65л. ; уч.-изд. 4,75.
Гарнитура «Newton». Тираж 150 экз. Заказ
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Медиа-Книга»,
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1. Тел. +7 (846) 2673682.
E-mail: izdatkniga@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

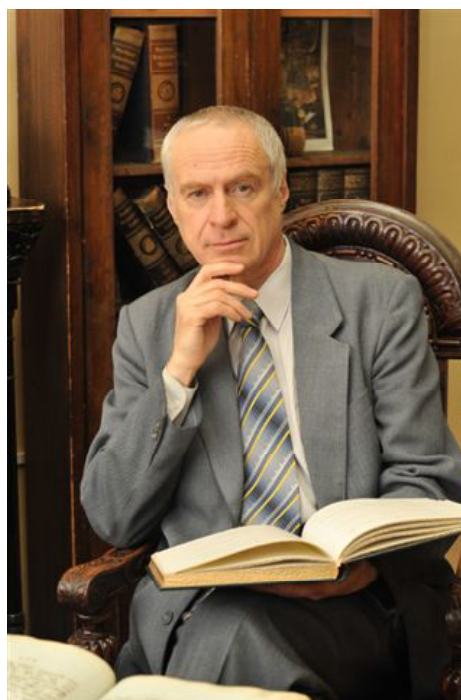
Дубман Э.Л. Пригород Сергиевск и его роль в проектировании и строительстве Новой Закамской линии в 1731 г.	5
Леонов М.М. Метаморфозы русского салона накануне Первой мировой войны: к постановке проблемы	13
Кабытова Н.Н. Вопросы о власти, войне и мире на крестьянских съездах в 1917 году	18
Кокарев М.С. Николаевское и Уральское викариатства в структуре Самарского епархиального управления начала XX в.	23
Барина Е.П. Деятельность дворянских корпоративных организаций в годы Первой мировой войны	30
Мякотин А.А. Хозяйственная элита Куйбышевской области в 1960-1991 гг.	37
Мякотин А.А. Кадры партийно-хозяйственного управления в 1960-1991 гг. (по материалам Куйбышевской области)	45
Кабытов П.С. Аграрные проблемы в исследованиях П.И. Савельева	54
Сюков А.В. Политическая элита Самарской области в 1990-е гг.	61

Наши интервью

Интервью с П.С. Кабытовым о проведении в Самаре XXXIV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	66
--	----

Самарские судьбы

Завальный А.Н. Самарский медальер Вячеслав Агафонов	71
---	----

Редакция «Самарского земского сборника» поздравляет главного библиографа Самарской областной универсальной научной библиотеки **Александра Никифоровича Завального** с 60-летним юбилеем и желает ему здоровья, бодрости и дальнейших творческих успехов.

**ЗВАНИЕ «ЛАУРЕАТА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
И НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК»**

В 2012 г. редакционной коллегией журнала «Самарский земский сборник» было учреждено звание «Лауреата общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник». Звание присваивается за вклад в изучение российской истории и истории Самарского края. Звание лауреата в сентябре 2014 г. было присуждено главному библиографу Самарской областной универсальной научной библиотеки Александру Никифоровичу Завальному.

Медаль «За вклад в изучение Самарского края» вручена Завальному А.Н. на пленарном заседании XX Всероссийских Платоновских чтений 13 декабря 2014 г.

ПРИГОРОД СЕРГИЕВСК И ЕГО РОЛЬ В ПРОЕКТИРОВАНИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОЙ ЗАКАМСКОЙ ЛИНИИ В 1731 Г.

1731 г. правительство приступило к строительству системы укрепленных линий, способных защитить южные и юго-восточные окраины европейской России от нападений кочевников. Юго-восточный фланг этого пограничья в Заволжье должна была прикрыть Новая Закамская линия. Важнейшим оборонительным пунктом на ней, центром, откуда производились рекогносцировочные работы и началось строительство, стал пригород Казани Сергиевск.

Как известно, Сергиевск был основан в 1703 г. для защиты созданных в его окрестностях серных заводов и населения работавшего на них¹. Роль его гарнизона вместе с присланными подкреплениями при подавлении башкирского восстания начала XVIII в. трудно переоценить. Так полковник А.М. Дмитриев-Мамонов сообщал из Казани в мае 1706 г. «Доношу тебе, моему государю (судье Посольского приказа Ф.А. Головину – Э.Д.), мая в 4 день писали ко мне ратных дел судии, что башкирцы, воровские люди разных дорог, и хотят приходить и розорить Сергиев город, что близ Самары. И по тем ведомостям мая, государь, в 5-м числе послал я в Сергиевской драгунскаго строю полковника Июду Болтина, с ним набору ево новоприборных драгун 250 человек да салдацкого полку, что ныне у меня, 200 человек для проведывания и розъездов; из дворян прислали ис Канцелярии 26 человек, да мурз и татар, которые остались от самарской посылки, 76 человек; да в Сергиевском служилым всех чинов людем по списку. А по ведомостям, государь, тех вышеписанных воров-башкирцов 600 человек»².

После перевода серного производства на Самарскую Луку пригород какое-то время сохранял свое значение важного военного пункта и центра сельскохозяйственной округи. По данным первой ревизии в нем и в расположенных рядом поселениях числилось служилых людей – 681, хлебопашцев – 594 душ мужского пола³. Но, и в конце 1720-х гг. уже законсервированные заводы продолжали находиться под неусыпным вниманием Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Для их охраны посылали «для присмотра и караулов из закамских солдат, которые городовою службы снести не могут». Эти караулы были невелики по численности. Например, в 1730 г. «на Сергиевские и Самарские (т.е. на Самарской Луке – Э.Д.) заводы» по именному указу Анны Иоанновны было направлено всего 12 человек⁴.

Именно Сергиевск и система редутов по правому берегу р. Сока являлись южным пограничем Сокско-Черемшанского укрепленного района. В составе крупной группы войск, созданной для защиты Заволжья в начале 1720-х гг., отдельные отряды на летние посты располагали вплоть до Сер-

* © Дубман Э.Л. - доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2014 г.

гиевска и даже Алексеевска. И.К. Кирилов писал: «Между Тиинска, и Ерыклинска, и Сергиевска, и Алексеевска стоит на пастах драгунский гарнизонный казанской Друмантов (под командованием С. Друманта – Э.Д.) полк для охранения от набегов каракалпакских»⁵. Крайней к степи в этой глубоко эшелонированной системе являлась линия редутов, располагавшаяся по правому берегу Сока. Она начиналась несколько ниже устья Кондурчи редутами у Каменного брода и Нижним Кондурчинским. В среднем течении по правому берегу притока Сока р. Раковки располагался редут Раковский, на левом берегу еще одного притока р. Ольшанки – редут Ольшанский. Далее, у пригорода Сергиевска на противоположном берегу р. Тепловки был устроен маяк. Таким образом, практически все течение Сока от устья до пригорода Сергиевска и серного завода по правому берегу было защищено редутами, возведенными задолго до строительства Новой Закамской линии. Создание здесь передовой системы обороны вполне объяснимо. По Соку проходил водный путь к серным заводам и Сергиевску. Характерно, что на «ландкартах», составленных в Закамской экспедиции, именно по Соку были показаны места «перелаза» башкир и разоренные от их нападения селения. Редуты были устроены и в глубине территории, защищенной течением Сока – на р. Липовке, у впадения в нее р. Елховки и выше по течению Кондурчи – редут Верхний Кондурчинский⁶. На, так называемые, «Сокские редуты» посылались небольшие сторожевые отряды из драгун и яицких казаков.

Характерно, что на «ландкартах» начала 1730-х гг. все эти пространства обозначались по-разному. Междуречье Самары (от устья Б. Кинеля) и Сока (от пригорода Сергиевска) называли «пустые степи». Лесостепь севернее р. Сока (к востоку от Сергиевска) к Большому Черемшану и далее значилась как «башкирские вотчины»⁷ или «степь пустая башкирские угодыя»⁸.

О состоянии укреплений самого Сергиевска в 1720-х гг. скудные данные приведены у И.К. Кирилова. Одна соборная и одна приходская церкви, канцелярия и контора, один управитель, три приказных служителя – вот все присутственные места и весь административный аппарат городка. Под стать было и вооружение – 6 медных и чугунных пушек, да 1 затинная пищаль, из которых к стрельбе годились 2 медные пушки⁹. И все же Сергиевск к началу 1730-х гг. был весьма неплохо защищен. Позднее, когда приступили к возведению Новой Закамской линии, ее строители ограничились лишь тем, что обвели старый «замок» и поселение валом и рвом, примыкавшими к самой линии, да кое-где подновили второстепенные укрепления. Сама крепость-замок располагалась на возвышенном месте «горе» и состояла из вала, рва и деревянных рубленых стен, устроенных по валу. В плане она проявлялась в виде продолговатого прямоугольника с 8-ю башнями. Профиль разреза вала и рва весьма любопытен. Он выглядит явно архаичнее профиля разреза системы вал – ров самой линии: отсутствуют гласис и прикрытый путь, но уже есть берма, очертания самого вала выглядят, как бы оплывшими, без чеканной резкости сооружений 30-х гг. Несомненно, что даже «новую» часть крепости строили явно до начала возведения самой

линии., где-то между 1710 – 1720 гг. Вполне очевидно, что Сергиевский «замок» основательно перестраивался до сооружения Закамской линии. Новая крепость включала в себя площадь старой, построенной в 1703 и перестроенной в 1704 гг., и примыкавшую к ней с запада, со стороны пригорода, новую площадку. В результате территория всей крепости выросла вдвое, стала более удлиненной¹⁰. Сочетание новой с бастионами и старой частей, хорошо видно на схематическом изображении Сергиевской крепости на картах 1731 г., времени, когда началось строительство Закамской линии¹¹. М.И. Иванин писал о Сергиевске: «Вал его насыпан щебнем. По углам сделаны выдававшиеся закругления, образующия как-бы небольшие, круглые, насыпные бастионы, вероятно, для действия сверху их орудиями...»¹². Такой тип бастионов очень близок к аналогичным укреплениям земляной крепости Самары и, видимо, современен им. В настоящее время земляные укрепления вполне сохранились, хотя в ряде мест в них сделаны проезды или они сильно оплыли. В разрезе вал, действительно, состоит в основном из щебня.

Укрывшееся за крепостью поселение было защищено земляным валом реданного расположения. Сторону пригорода, обращенную к Соку, оградили заплотом и, вновь поставленными впереди него, рогатками¹³. Позднее, уже к середине 1730-х гг. в связи с резким увеличением населения Сергиевской крепости во время строительства линии, существенные изменения произошли в жилой застройке. К примыкавшим с запада и северо-запада к крепости жилым кварталам, прибавились усадьбы 4-х рот ландмилиции. В итоге градостроительный облик пригорода представлял собой следующее. С юго-западной стороны жилые кварталы вписывались в излучину Сока и его «залива» и как бы повторяли их округлость, а с юго-запада на северо-восток вытянулись удлиненным застроенным прямоугольником. Представление об очертаниях пригорода в прошлом и его нынешнем состоянии дает съемка сверху, сделанная с параплана.

Экспедиционные работы Закамской экспедиции начались весной 1731 г. Уже в конце апреля ее руководитель тайный советник Ф.В.Наумов с сотрудниками прибыли в Казань. 3 мая они были в Симбирске. В очередном «доношении» в Сенат от 16 мая руководители экспедиции изложили свои действия и дальнейшие намерения. Командиру Казанского полка подполковнику Ф.М. Есипову, «оставя полковые тягости», предписано было явиться «с людьми в Сергиевской на реке Соку», а две роты командировать в Самару. Туда же, после прибытия воинских соединений, должны были переехать из Симбирска сотрудники экспедиции. Из Самары предполагалось начать «осмотр и опись местам» по рекам Самаре и Соку в направлении к Сергиевску¹⁴.

Однако, в связи с непредвиденными обстоятельствами, только 12 июня Наумов и его сотрудники переехали из Симбирска в Самару, а 28 июня прибыли в Сергиевск. Маршрут экспедиции пролегал от г. Самары по одноименной реке, «которая река вместо линии» к пригороду Алексеевскому. Далее от устья Большого Кинеля обследовали «степь» к Соку при впадении

в него р. Кондурчи, затем местность по правому берегу Сока по дороге между выстроенными там ранее редутами к Сергиевску. На составляемую в ходе экспедиционных работ карту, наносились места строительства будущих крепостей, возможные варианты прохождения линии. Инженеры должны были сделать описание местности, почв, указать на близость водных источников, подыскать места для расселения ландмилиции. При осмотре правого берега р. Сок, казалось бы, наиболее удобного для создания укрепленных пунктов, Наумов сделал замечание, которое затем сказало на местоположении этого участка линии: «только те места низки, ибо та река болотистая». До 30 июня, когда в Москву в отделение Сената был отправлен с курьерским «доношением» и «ланткартой» вахмистр Литвинов, Закамская экспедиция обследовала всю местность от г. Самары до Сергиевска и дошла до Липовского редута, расположенного к северо-западу от Сергиевска на р. Липовке. Весь участок от г. Самары до Сергиевска и был нанесен на «ланткарту».

Работы производились на открытых местах, и во время их обследования членам экспедиции постоянно приходилось опасаться нападений степняков. Сообщения, полученные Наумовым от представителей местной администрации, и посылаемые от него в Москву, буквально насыщены фиксацией таких случаев. Внезапные набеги совершали, как правило, мелкие группы калмыков, каракалпаков и т.д., просачивавшиеся через «перелазы» на реках Самаре, Большом Кинеле, Соке. Численность их составляла от десятка до ста – ста пятидесяти человек. Так, например, во время обследования местности вокруг Сергиевска, около 150 кочевников напали на русский отряд у Верхнего Кондурчинского редута (верховья р. Кондурчи) и всех перебили. Незадолго до этого калмыки или каракалпаки (сообщавший об этом подполковник Змеёв не смог определить национальную принадлежность кочевников) численностью около 60 человек, отогнали у местных жителей табун. Бывали и более мелкие происшествя, не приводившие к трагическим случаям. Например, у одного из сергиевских солдат, застигшие его врасплох калмыки, сняли рубаху, отстегали плетью и отпустили. Таковых «куръезов» за лето насчитывалось множество. Нападения совершали калмыки, каракалпаки и башкиры, причем у местного населения сложился весьма оригинальный способ различать кочевников: «А по станом оных воров признают тамошние обыватели башкирцов, потому что калмыки кроме грабежа убивства не чинят и писем не берут, а каракалпаки обыкновенно людей берут в полон а не убивают же»¹⁵.

Вполне очевидно, что работа экспедиции была направлена, в первую очередь, на защиту местного населения от нападений кочевников и создание условий для появления новых постоянных поселений. С калмыками и каракалпаками все было ясно: их просто нельзя было пропускать в районы оседлого расселения. С башкирами же возникали сложности другого порядка. Они практически являлись местным, коренным населением. Их жилища находились в местах прохождения предполагаемого маршрута оборонительной линии, они владели там пастбищами и промысловыми

угодьями. По рекам Ику, Мензеле, Заю располагались башкирские селения, а по Соку, Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичую их охотничьи угодья. В периоды затишья отношения русских, чуваш и других оседлых жителей с башкирами нередко складывались мирно. Сергиевские жители сообщали, что когда они сами охотятся и даже съезжаются с башкирами, то не «скандалят», а если «уловят зверя вместе», то делят пополам¹⁶. Однако такие «мирные отношения» были весьма своеобразны. Практически, все русские и чувашские деревни по Соку, Кондурче, Липовке и другим рекам были выжжены, а их жители перебиты именно башкирами.

Поэтому, при обследовании территории от Сергиевска к р. Ику, взаимоотношения с башкирами становятся одной из главных проблем для руководства экспедиции. Если на пространстве между реками Соком и Кичуем башкирские угодья встречались лишь изредка и их можно было обойти, то далее к Ику миновать владения башкир практически было невозможно. Опрошенные жители Сергиевска, который в 1731 г. фактически стал центром экспедиционных работ, знали ситуацию только в окрестностях своего пригорода. По их рассказам, башкиры осенью и по первому снегу приезжали для охоты на зверя к притоку Сока р. Раковке, расположенной 50 верстами ниже Сергиевска (по другим данным там находились бортные ухажи мордвы из селений Самарской Луки) и выше на 30 верст по течению Сока к р. Сурож. Но особых споров по поводу этих угодий между башкирами и местными жителями не возникало¹⁷.

После обследования территории, уже к концу 1731 г. были созданы планы всех крупнейших населенных пунктов Заволжья, в том числе Самары, Алексеевска и Сергиевска. В первых предварительных проектах новой укрепленной линии именно Сергиевск выступает ее основным опорным пунктом. От пригорода предполагалось незамедлительно вести строительство оборонительных сооружений на север, чтобы прикрыть уже освоенные районы от нападений кочевников.

В многочисленных указах и распоряжениях из центра от Наумова требовали совместить завершение проектных работ и начало строительных работ – осенью 1731 г. Руководство экспедиции, внешне соглашаясь с указаниями сверху, все же осторожно пыталось доказать, что развернуть полномасштабное строительство в этом году по вполне объективным обстоятельствам не удастся. Руководивший инженерными работами, И.А. Бибииков, например, писал, что если приступить к строительству в конце лета – начале осени, то земля не успеет «отлежаться», замерзнет и ее размочит весенней водой¹⁸.

Однако, все эти объяснения не принимались во внимание. Тем более, что из Украины, где также приступили к созданию новой линии, шли бодрые рапорты о начале ее строительства. Руководство Закамской экспедиции буквально принуждали незамедлительно приступить к линейным работам. Например, в указе от 26 июля 1731 г. содержалось указание срочно, «не упуская лета», начать строительство линии¹⁹.

Постоянное подталкивание из центра дало себя знать. Хотя и с опозданием, но подготовительные работы к главному делу – строительству ли-

нии, постепенно завершались. 3 сентября казанский губернатор князь М.В. Долгоруков сообщил в Москву, что инструмент для экспедиции делается по реестру, подготовленному командой Бибикова. Уже на первый год требовалось более 5000 лопат, почти столько же кирок, более 2000 мотыг, 3000 топоров, 2000 тележек для вывозки земли, 2000 носилок, 70 буравов и т.д.²⁰

Летом – осенью 1731 г. «столицей» Закамской экспедиции стал пригород Сергиевск. Сок в то время был вполне судоходной рекой, поэтому инструменты и прочее оборудование из Симбирска и Казани отправлялось к Сергиевску как водным путем по Волге и далее по Соку, так и сухопутным²¹. В пригороде располагался штаб и основные службы, создавались склады для оборудования и провианта. В его окрестностях, в удобных местах, при редутах обустраивались воинские подразделения и рабочая сила. 17 сентября подполковник Змеёв и офицеры привели к Сергиевску солдат из закамских пригородов. 19 сентября туда же прибыли из войсковой группы, подчиненной генерал-лейтенанту В.П. Шереметеву, два полка во главе с бригадиром Друмантом. В этот же день из Казанской губернии явилось 2651 человек, мобилизованных крестьян к «линейной работе».

К 20 сентября все было готово и, как сообщал Наумов, именно в этот день началось сооружение новой линии. Места для начала работ руководство экспедиции выбрало, практически, без согласования с центром. Было решено одновременно строить в нескольких местах, на участках, как бы разбросанных по большой дуге: у впадения в Сок Кондурчи при, так называемом, Красном Яру, а также от Сергиевска к Тарханскому лесу и т.д. Этот выбор хорошо согласовывался с вариантом проекта, разработанным инженерами экспедиции.

Отметим, что практически все мобилизованные крестьяне, были поставлены на рытье рва и насыпку вала от пригорода Сергиевска в направлении «Каменного»(?) редута к реке Кондурче. Полки Друманта распределили на разъезды и караулы для прикрытия всех работающих от нападения кочевников, но основной их лагерь находился неподалеку от Сергиевска рядом с Липовским редутом²².

Строительство линии шло несколько медленнее, чем предполагалось, из-за того, что «земля зело крепка, камениста и гниловата»²³. Но в донесениях руководства экспедиции, отправленных из Сергиевска 12 октября, сообщалось, что работы проводились быстро и споро; выстроено 8 км линии, на устье р. Кондурчи заложена крепость и поставлен палисад (отметим, что первоначально крепость там строилась на правом низменном берегу Сока при впадении в него Кондурчи).

Но вскоре погодные условия помешали работам: «за нынешним осенним неспособным временем и за снегом... (крепости – Э.Д.) не заложено». 9 октября Шереметев указал своим полкам «за снегом и за неимением кормов» оставить район строительства и вернуться на зимние квартиры в «черемшанские лагеря». После ухода регулярных войск работы у Сергиевска продолжались еще два дня – до 11 октября, а затем всех рабочих распусти-

ли по домам²⁴. Всего же количество рабочих дней без выходных составило 19 – с 20 сентября по 10 октября, включительно, то есть ровно три недели.

В целом с 19 сентября по 6 октября удалось собрать 2916 человек, чуть меньше чем было первоначально запланировано. Присланные крестьяне были заняты на линейной работе, т.е. копали ров и насыпали вал. Для их «понуждения», чтобы работали «не леностно», к каждому десятку рабочих людей был приставлен драгун, а то и унтер или обер-офицер²⁵.

Все сделанное из линейных работ осенью 1731 г. было отражено на специальном плане. На чертеже, отправленном в столицу в конце 1731 г., показана «линия вновь делать зачата», протяженностью от Сергиевска около 8 верст²⁶. Вал немногим переходил Казанскую дорогу и завершался у «Казанского оврага»²⁷.

Распределение рабочей силы, вся инженерная часть, ответственность за правильную технологию строительства были возложены на команду И.А. Бибикова. После завершения работ Бибиков в своем отчете писал, что ров был сделан: шириной у поверхности – 2 сажени 1 аршин 10 вершков (5,49 м), глубиной – 1 сажень (2,16 м), шириной в нижней части по дну – 1 сажень (2,16 м).

За время линейной работы из рва было «вынето земли и употреблена на вал кубических 7518 сажен»²⁸. По тогдашним фортификационным правилам существовали особые пропорции между отдельными элементами системы вала и рва. Для постоянного надзора за этими параметрами со стороны инженеров, во время полевых работ требовалось иметь в экспедиции специальные шаблоны. Но осенью 1731 г. это требование не соблюдалось. В размерах и в соотношении отдельных частей укреплений были допущены ошибки.

С наступлением зимы в районе работ наступило затишье. Часть персонала экспедиции разместилась, по всей видимости, в Сергиевске. Руководство отправилось в более комфортные условия в провинциальный центр Симбирск. В прошении, относящемся к более позднему периоду, руководство экспедиции обосновывало свое желание переехать на зиму из Сергиевска тем, что для работы с ландкартами нужны белые (т.е. топившиеся по белому) избы. В Сергиевске были только черные: «и помянутых лант карт и протчаго за недовольным светом в избах черных, а паче от сыплющейся сажы с потолков белых чертежей и окуратных учинить будто невозможно»²⁹.

Стратегическое положение Сергиевска при проведении строительных работ и заселения линии ландмилицией, практически не менялось на протяжении всего времени ее возведения до начала 1736 г.

Примечания

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М. 2000. С. 124-127; Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в.: дис. . . канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 64-85; Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России. В 4 т. Т. 2. М.-Л., 1949. С. 374; Дубман Э.Л. Петр I и Самарский край // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001.

² Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой. . .». (К вопросу о пространственных рамках башкирского восстания 1705-1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения) // «Гасырлар авазы - Эхо веков», 2013. № 3/4. С. 30.

³ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 1126. Л. 103.

⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее А ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Генерального Пovyтыя. Д. 11. Л. 8, 13, 143, 267.

⁵ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 217.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2081, 2083, 3954 и др.

⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

⁹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 218, 330.

¹⁰ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 875. Карты.

¹¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954, 4189.

¹² Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Географического общества. Ч. 1. 1857. С. 71.

¹³ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 91.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 83, 307-308.

¹⁵ Там же. Л. 134.

¹⁶ Там же. Л. 123об.

¹⁷ Там же. Л. 123-123об., 134об.

¹⁸ Там же. Л. 229об.

¹⁹ Там же. Л. 141.

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 216, 240об.

²¹ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. М., 1914. Приложения. № 26. С. 54.

²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 309, 312, 313-313об.

²³ Там же. Л. 328 об.

²⁴ Там же. Л. 319-319об.

²⁵ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. № 23, 24. С. 48-49.

²⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 4189. См. также: Д. 3954.

²⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 417 – 418об.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288-288об.

МЕТАМОРФОЗЫ РУССКОГО САЛОНА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Столичные салоны долгие годы столетия являлись признанными законодателями мод в литературе и искусстве, а также служили индикатором общественных настроений в России. Истории салонов посвящена обширная литература.¹ Надо заметить, что наибольший интерес исследователей, касавшихся сюжетов салонной жизни начала XX столетия, вызывали литературные салоны Серебряного века; аристократические гостинные и политические салоны исследованы хуже.

Охватить весь спектр салонов, существовавших в Москве и Петербурге накануне первой мировой войны, в одной статье невозможно. За рамками данного исследования останутся как старомодные аристократические гостинные, так и салоны, собиравшие весь цвет русской литературы. Речь пойдет лишь об одной тенденции, характеризующей начало XX столетия, - о демократизации салонной культуры, привнесении в нее мещанских ценностей, изменении самого понятия «салон» в языке предвоенной эпохи. Особое внимание будет обращено на перемены, коснувшиеся важнейшего источника по истории салонной жизни - альбома.

Российские салоны возникли и обрели популярность в аристократической среде. Вопреки распространенным представлениям, салоны служили не только местом проведения досуга. Гости зачастую преследовали вполне прагматичные цели: стремились познакомиться с нужными людьми, снискать литературную известность, найти покровителя и получить должность. Возможности неформальных связей, выраставших из салонного общения, манили многих предприимчивых людей из разных общественных слоев, однако сословные барьеры препятствовали проникновению простолюдинов в высшее общество. По существу, перспектива стать видным чиновником или знаменитым литератором открывалась лишь для «своих», для представителей сравнительно узкого круга «хороших семей».

Первым признаком перемен стало появление в аристократических салонах поэтов и писателей недворянского происхождения. В эпоху расцвета русского салона к таким гостям относились с предубеждением, держали их отдельно от других, а порой и насмехались над ними. В.Ф. Одоевский приветчал у себя одаренных литераторов, которые, однако, жались в отдельной комнате, не решаясь вступить в избранное общество. По свидетельству И.И.

* © Леонов М.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры Гуманитарно-правовых дисциплин и сервисных технологий Самарской академии государственного и муниципального управления, 2014 г.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-11-63007.

Панаева, «литераторы были битком набиты в тесном кабинете хозяина, ... боясь заглянуть в салон. Целая бездна разделяла этот салон от кабинета. Но для того, чтобы достичь волшебного кабинета, бедным литераторам надобно было проходить через роковой салон – и это было для них истинною пыткой. Неловко кланяясь хозяйке дома, они, как-то скорчившись, съезжившись и притаив дыхание, торопились достичь кабинета, преследуемые лорнетами и разными, не совсем приятными для их самолюбия взглядами и улыбочками».²

Со временем незнатные гости стали смелее. В пореформенную эпоху они уже свободно чувствовали себя в привилегированных гостиных, на равных общаясь с их обитателями. В моду вошли «сведущие люди», представители интеллигенции, обладавшие широким кругозором и способные оживить беседу. С ними уже считались, хотя по-прежнему посмеивались над их манерами. Вот эпизод из светского романа: «... один из сведущих гостей был настолько несведущ в коммюфотности, что тыкал вилок в блюдо с селедкой и, вытыкнув кусочек оной, стремительно внес его в рот, к великому ужасу хозяйки, поднявшей глаза к небу».³

В начале XX столетия буржуазная культура наступала по всем фронтам; известность и успех потеснили в правах происхождение. Мода на салоны распространилась в среде купцов, разночинцев и творческой интеллигенции. Пестрым составом гостей могли выделяться московские салоны С.П. Кувшинниковой, В.А. Морозовой, А.Г. и Д.Н. Петровских.

По мере того, как стирались социальные границы, менялась и культура салонного общения. В ряде случаев мы можем говорить о разрушении традиционных ценностей и устоев салонной культуры. Характерным примером могут послужить «салоны» Е.О. Марцинкевича и Е.Е. Синегуб.

В российском государственном архиве литературы и искусства хранится примечательная зарисовка М.К.Соколовского «Литературно-артистический салон д-ра Е.О.Марцинкевича (Материалы для истории быта русских литераторов, художников и артистов)». В ней содержатся подробные сведения о встречах в одном из новых салонов Петербурга. Хозяин, Е.О.Марцинкевич, прослыл ценителем искусства. Он привечал и щедро угощал гостей. По словам Соколовского, «особенно многолюдны бывали собрания на второй день Пасхи. Везде стояли столы, уставленные всякими окороками, куличами, пасхами. Огромные окорока стояли на каждом углу стола, наготовлено бывало так много, что после разъезда гостей молодые хозяйки раздумывали, кому бы можно было предложить оставшийся шпик: дворники, швейцары, прислуга ничего не хотели брать, будучи завалены снедью до отказа».⁴ В салоне Марцинкевича собиралась пестрая публика, а аристократические претензии смешивались с мещанским бытом. Будучи по природе вспыльчивым человеком, хозяин дома «в сердцах бил ложками по лбу своих дочерей, а жену – ключом, зажатым в кулак».⁵ По-видимому, эти эксцессы случались и в присутствии посторонних, прямо за обеденным столом (ведь дочерей он бил ложками). М.К.Соколовский писал об этих вспышках гнева с сожалением, кивая на польские корни Марцинкевича. Гости сало-

на снисходительно относились к подобным инцидентам: сцены семейного насилия не мешали им посещать дом с хорошим столом и увеселениями. Все это явно свидетельствует о девальвации салонной культуры: за сто лет до салона Марцинкевича, в «золотой век» русского салона пушкинской эпохи, умение достойно держаться на публике во многом определяло репутацию человека. Даже в случае вызова на дуэль дворянину предписывалась сдержанность и самообладание. Любые душевные драмы надлежало скрывать, дабы омрачить общего веселья.

Карикатурой на классический салон являлись и собрания у небогатой помещицы Елизаветы Евгеньевны Синегуб. В ее небольшом салоне, существовавшем в Москве в эпоху Серебряного века, собирались молодые литераторы, в их числе - В.В.Маяковский. Вполне возможно, что Е.Е. Синегуб желала видеть себя в роли прекрасной дамы, объекта восхищения талантливых гостей. Если так, ее постигло разочарование: гости посмеивались над ней, называли ее гостиную «салонем Плюшкиной», что объяснялось скупостью хозяйки. Один из посетителей, известный поэт и теоретик имажинизма В.Г. Шершеневич, вспоминал: «Однажды я получил записку, в которой сообщалось, что Синегуб просит пожаловать к ней на «обед с фазанами». В назначенный час в зале собирается человек пятнадцать приглашенных писателей. Тут же решаются очередные дела, тут же идут горячие споры. Хозяйка судорожно носится из столовой в гостиную и обратно, попутно... многообещающим шепотом декларируя знаменитый «обед с фазанами». Наконец, мы в столовой. Но почетном месте – сама хозяйка. Быстро и не обращая внимания на закуски, господа писатели расправляются с водкой и супом. Все ждут фазанов, это гвоздь обеда. И вот блюдо с фазаном торжественно вносится. Крышка снимается, и нашим взорам представляется одинокий фазанчик, умерший, конечно, от длительной голодовки или сознательного истощения. С большим трудом, оперируя невидимыми глазами кусочками, хозяйка оделяет гостей фазаниной... Через полчаса мы все, пятнадцать человек, сидели в «Праге» и рассматривали съеденного фазана как легкую закуску. Синегубину мы тоже приглашали с собой. Мы были молоды и не мстительны».⁶

Конечно, репутация хозяев зависела не только от их щедрости и гостеприимства. Язвительные высказывания о салоне и его обитателях, как и любые сплетни, могли быть вызваны к жизни самыми ничтожными мелочами. Грешили этим и аристократические круги. По выражению современника, «обычай осмеивать членов семейства и вообще дом, из которого выходишь гостем, до такой степени в нравах большого света, что составляет как будто потребность общежития».⁷ Принципиальное различие, однако, состояло в том, что посетители салона Синегуб время от времени делали неллицеприятные высказывания во всеулышание, в то время как аристократы шептались за спиной.

Культурные различия часто провоцировали насмешки. На рубеже веков, когда в обеих столицах появились купеческие салоны, претендовавшие на статус элитарных, представители дворянства не упускали случая для иронии. Излюбленной мишенью стал салон З.Г.Морозовой (супруги Саввы

Морозова). Морозовы владели экзотическим, помпезно обставленным особняком, где с большим размахом давали вечера и балы. Сюда приглашался бомонд: знаменитые музыканты и художники, титулованное дворянство. Известно высказывание А.П.Чехова по поводу этих собраний: «Зачем, зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним».

Приведенные примеры подводят к заключению, что хозяева салонов, приглашавшие гостей и предлагавшие им, по мере своих возможностей, щедрое или скудное угощение, временами сталкивались с неблагодарностью. Придирчивость посетителей имела свое объяснение. Держать салон, кормить гостей, делать им различные одолжения – значило повышать собственный престиж. Ведь, принимая на себя многочисленные обязанности, хозяин, в то же время, занимал центральное положение в локальной сети, претендовал на статус наиболее влиятельного и авторитетного из ее членов. Такое положение дел объясняет склонность состоятельных людей, в частности, купцов, к созданию салонов: привлекая к себе элиту, они, помимо прочего, пытались конвертировать деньги в улучшение репутации и повышение социального статуса. В том случае, если хозяева оказывались в состоянии удовлетворить ожидания гостей, они могли сполна насладиться обретенными преимуществами, однако, если в силу собственной скупости или недостатка образования они производили неблагоприятное впечатление, то рисковали стать объектом колкостей.

Перемены начала XX века наглядно отразились и в одном из наиболее значимых памятников салонной жизни – альбоме. Альбомы обрели значительную популярность в самых разных социальных группах, можно сказать – пошли в тираж. Как следствие, они все больше различались по внешнему виду. Одни из них продолжали ориентироваться на традиции прежних лет, другие утратили аристократический лоск. Например, альбом Э.К. Павловской выглядел незатейливо: плюшевый переплет, роза на форзаце.⁸ Еще более отчетливо вкусы владельцев отразились в альбоме актрис В.В. Бороздиной и В.П. Музиль-Бороздиной. На нескольких листах наклеены вырезанные из открыток картинки с изображением цветов. В качестве альбомов все чаще использовались блокноты дешевого издания в дерматиновом переплете. Французский язык почти полностью был вытеснен русским.

Широкое распространение получили альбомы, представляющие собой собрание переписанных стихов или коллекцию рисунков, выполненных одним лицом. Они в значительной степени схожи, но порой между ними попадаются любопытные экземпляры. К числу последних относятся альбомы В.Н. Андреева-Бурлака с работами художника, или альбомы М.Н. Ермоловой, включающие стихи, которые актриса читала на концертах, в том числе несколько литературных пародий собственного сочинения.⁹

Верным признаком перелома стало появление в альбомах записей политического характера. Автографы такого рода были особенно характерны для эпохи первой русской революции. Так, альбомы Е.Н. Токаревой содержат немало радикальных высказываний: «Сцена – это та же революция; и та, и другая порождает таланты»; «Доживу ли до того дня, когда со сцены

зазвучит свободное слово, свободная речь»; «Царствуй на страх врагам, царь православный! (на том свете)».¹⁰

Менялись и этические нормы. Если в первой половине XIX века светский этикет допускал записи, отражавшие платоническую любовь к хозяйке гостиной, то во второй половине столетия уже не представляли редкости фривольные стихи, апеллирующие не к душе, а к телу. Запись такого рода есть и в альбоме Бороздиных: «Чтобы в губки голубку и в ясный глазок// Целовать, целовать мог бы жадно я// Зацелую тебя с головы и до ног// Полюби ты меня - ненаглядная».¹¹ Свидетельством процесса разрушения прежних табу могут служить публикации афоризмов и стихов для альбомов, предпринимавшиеся различными изданиями (в частности, «Вестником Европы») с начала XIX века. После первой русской революции в столице стали выходить «Пикантные салонные сборники», содержавшие вульгарные стихи, и даже фотографии декольтированных дам со страстными взглядами.¹² Это можно трактовать как вызов системе традиционного мировоззрения, наступление на ценности патриархального общества.

В России накануне первой мировой войны выходцы из разных слоев адаптировали форму салонного общения, наполняя ее собственной культурой, зачастую довольно приземленной. Процесс инфильтрации дворянского общества представителями низших сословий, завершившийся появлением «народных» гостиных, может рассматриваться как свидетельство менявшихся представлений о престиже и назначении салонов. Некоторые из этих гостиных нашли свою нишу в столичном мире и пережили войну 1914-1918 гг.

Примечания

¹ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007.

² Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950.

³ Мещерский В.П. Князь Нони. Сутки нынешнего светского человека. СПб., 1882. С. 108-109

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.442. Оп.1. Ед.Хр.9. Л.8.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Шершеневич, В. Великолепный очевидец. Синегуб и ее «салон»// Московский Парнас: кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890-1922). М., 2006. С. 486-487

⁷ Мещерский В.П. Хочу быть русской. Роман из большого петербургского света. Спб, 1877. Ч.2. С. 220

⁸ Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф.201. Оп.1. Ед.Хр.46.

⁹ ГЦТМ. Ф.98. Оп.1. Ед.Хр.518, 1141. Альбомы М.Н. Ермоловой, 1895-1917 гг.; ГЦТМ. Ф.11. Оп.1. Ед.Хр.1, 2.

¹⁰ ГЦТМ. Ф.536. Оп.1. Ед.Хр.11-14. Альбомы Е.Н. Токаревой.

¹¹ ГЦТМ. Ф.180. Оп.1. Ед.Хр.574. Л.3. Альбом В.В. Бороздиной и В.П. Музиль-Бороздиной.

¹² Салон. Как и где веселится Петербург. Пикантный салонный сборник избранных мелодичных модных арий из оперетт, а также стихотворений, шуток и острот. СПб., 1908.

ВОПРОСЫ О ВЛАСТИ, ВОЙНЕ И МИРЕ НА КРЕСТЬЯНСКИХ СЪЕЗДАХ В 1917 ГОДУ

российской революции 1917 года проявилось новое качество крестьянских общественных объединений: постановка и решение вопросов политической организации общества в масштабах всей страны. Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире. Они не ограничивались выражением своего мнения по названным вопросам, а принимали решения принципиального характера, предусматривавшие практические действия по реализации сложившихся в крестьянской среде политических идеалов. Разумеется, общественно-политическая активность крестьянства была направлена на достижение векового стремления к «земле и воле».

Уже первые губернские крестьянские съезды взяли на себя правотворческую миссию, разрабатывая и утверждая инструкции по формированию самоуправления, его взаимодействия с местной администрацией на переходный период. Материалы губернских и уездных съездов, проходивших в марте-апреле 1917 г. на территории Поволжья, показывают, что на местах проявилась тенденция к более глубоким социально-политическим преобразованиям. Этим, кстати, воспользовался В.И. Ленин, призвавший не оказывать «никакой поддержки Временному правительству»¹, чем внес раскол в лагерь революционной демократии.

Все крестьянские съезды непременно поддерживали Временное правительство, но часто на словах, а не на деле. Поэтому необходимо не только рассмотреть решения съездов по политическим вопросам, но и проследить сам процесс их обсуждения. В резолюциях различных форумов многие важные нюансы того или иного вопроса не находили отражения и тем самым выхолащивалось его содержание. Особенно это заметно при обсуждении на крестьянских съездах вопросов о власти, войне и мире, будущем государственном устройстве. Под демократией крестьянские делегаты съездов вообще понимали нормы обычного общинного права, в связи с чем поддерживали Временное правительство, которое объявлялось демократическим. В процессе обсуждения вопросов организации местного управления на первых губернских крестьянских съездах наглядно проявилось стремление к обособлению низовых крестьянских комитетов от органов местной администрации Временного правительства.

* © Кабытова Н.Н. - доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2014 г.

** Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект 14-01-00277: «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.)»

Анализируя решения крестьянских съездов, проходивших в марте 1917 г., необходимо отметить царившую на них атмосферу энтузиазма в связи с началом демократических преобразований в стране. Однако, уже в первый месяц революции на крестьянских съездах проявилось стремление к созданию, поддержке, а иногда и обособлению низовых структур сельского самоуправления. Эта тенденция получит дальнейшее развитие в ходе крестьянской борьбы за землю. Руководители и организаторы крестьянских съездов, проходивших в поволжских губерниях в апреле-мае 1917 г., будут ее поддерживать с целью расширения социальной базы своих политических партий и союзов.

Крестьянские съезды, собиравшиеся в Поволжье в апреле 1917 г., вопросам организации власти в деревне уделяли более пристальное внимание. В ходе прений по строительству местной власти на новых демократических началах делегаты съездов развивали идею необходимости сосредоточения управления сельским миром в низовых крестьянских организациях. Именно на них крестьянские съезды возлагали проведение в жизнь своих решений.

Апрельский кризис Временного правительства привел, как известно, к созданию нового коалиционного его состава. Это событие по-разному оценивалось различными общественно-политическими силами в центре и провинции. Большевики, единственные из четырех крупных политических партий, не представленные в новом составе Временного правительства, продолжали резко критиковать его политику. Они упрекали в соглашательстве с классовыми врагами, обвиняли в предательстве интересов трудящихся министров-социалистов и партии, к которым те принадлежали. В.И. Ленин оценивал с трудом достигнутое между Временным правительством и исполкомом Петросовета соглашение² как начало «медового месяца бракосочетания «социалистов», эсеров и меньшевиков с буржуазией в коалиционном правительстве»³. Однако совсем не таким «сладким», как казалось большевикам, был этот месяц для коалиционного Временного правительства – на местах различные общественные объединения все чаще выступали с условной его поддержкой.

Оценивая через месяц деятельность первого коалиционного состава Временного правительства, его критики справа, кадеты и октябристы требовали «вести стремление масс в рамки законности и планомерного осуществления»⁴. Недовольные деятельностью министров-социалистов, они упрекали их за мягкотелость и терпимость к проявлениям бунтарских действий масс и поддерживавших их общественных организаций. Характерно в этом отношении заявление В.А. Маклакова на совещании членов IV Государственной Думы 3 июня 1917 г. Он обвинил всех социалистов в потворстве беззаконию и углублении революции: «Они получили право создавать законы и поэтому должны беспощадно карать за беззаконие. И поэтому нужно, чтобы они отделились, я не говорю от революционной фразеологии, пусть способ выражения остается какой угодно, но от революционной идеологии»⁵. Умеренные социалисты, сотрудничавшие с Временным

правительством, и сами понимали опасность всеобщего бунта, но сдержать революционную инициативу на местах были не в состоянии. Рабочие, солдаты, крестьяне обращались к таким общественно-политическим структурам, которые поддерживали, пусть даже декларативно, их требования. Это способствовало углублению раскола между властью и обществом.

В Поволжье недовольство масс политикой Временного правительства было использовано местными лидерами эсеров для вхождения во власть, либо для укрепления своих позиций в органах самоуправления. Все крестьянские съезды, проходившие здесь в мае 1917 г., выражали поддержку Временному правительству, но далеко не безоговорочную. На сельских сходах и волостных собраниях, уездных и губернских съездах составлялись наказаы делегатам, избиравшимся на Всероссийский крестьянский съезд. В этих наказах выдвигался ряд условий политического характера. Так, проходивший 15-17 мая 1917г. Симбирский уездный крестьянский съезд высказался за «скорейший созыв Учредительного собрания, которое должно быть избрано на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»⁶. Уездные органы административной власти и самоуправления съезд не считал выразителями интересов крестьянства и «признал необходимым создать уездный Совет крестьянских депутатов и его исполнительный комитет»⁷.

Условная поддержка Временного правительства была первым признаком проявления недовольства его политикой. В «Наказе от граждан Казанской губернии» Арбанской волости Царевококшайского уезда» делегату П.И.Мочалову от 26 апреля 1917 г. говорится: «Мы будем поддерживать Временное правительство, пока оно не отступает от объявленных им начал свободы и народовластия... и подготавливает народ к выборам... в Учредительное собрание»⁸. Здесь же, правда весьма расплывчато, определялась форма будущего государственного устройства России. Делегатам съезда предлагалось подумать о путях «сосредоточения всей Верховной государственной власти в руках самого народа (демократическая республика) с сохранением референдума»⁹.

Для многонациональной Казанской губернии характерно выдвижение на крестьянских съездах вопросов о национальном самоопределении народов. В постановлениях губернского крестьянского съезда отмечалось: «Учредительное собрание должно быть созвано в Петрограде в октябре или ноябре на основах всеобщего равного и тайного голосования без различия пола и национальности (возраст не менее 18 лет) при участии армии. Для местностей со смешанными национальностями следует установить пропорциональные выборы по национальностям»¹⁰. Съезд крестьянских депутатов Чебоксарского уезда Казанской губернии принял еще более радикальное решение по вопросам будущего государственного устройства. Он призвал «стоять за свободную демократическую республику... всеобщий мир... и признать за всеми национальностями полное право на самоопределение»¹¹.

После вступления в состав Временного правительства министров-социалистов на губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в По-

волжье, все чаще стали обсуждаться вопросы о замене фигурантов на постах комиссаров Временного правительства. На втором Пензенском губернском крестьянском съезде, состоявшемся 11-17 мая 1917 г., среди делегатов уже не было прежнего единодушия по вопросу о доверии Временному правительству. Резолюция о его безоговорочной поддержке, предложенная эсеровским руководством съезда, была провалена объединенной группой редколлегии газеты «Известия...» во главе с большевиком В.В.Кураевым. По ее настоянию была принята формулировка о поддержке Временного правительства «постольку-поскольку»¹² в его состав вошли представители социалистических партий.

Рассмотрев решения крестьянских съездов и объединявшихся с ними в некоторых губерниях общесословных съездов, совещаний, собраний по вопросам организации власти в поволжских губерниях, необходимо отметить прежде всего самостоятельность и инициативность массовых объединений крестьянства в постановке и решении актуальных вопросов революционного времени. Первые крестьянские съезды, проходившие в марте 1917 г., высказали поддержку Временному правительству; в апреле доверие ему перестало быть всеобщим, а в мае осуществлялось постольку, поскольку в него вошли министры-социалисты. Признавая Временное правительство, в вопросах местного управления крестьянские съезды расходились с ним при определении полномочий органов власти и самоуправления. Они также выступили в качестве организаторов советов крестьянских депутатов, которые стали фактическими руководителями волостных и сельских исполнительных комитетов.

Первый политический кризис Временного правительства эхом отозвался в провинции. В Поволжье общественные силы, объединявшиеся на крестьянских и общесословных съездах и собраниях, стремились взять под контроль деятельность местной администрации Временного правительства. Саратовский губернский комиссар был назначен общественным исполнительным комитетом и все свои действия согласовывал с начала революционных преобразований. В Пензенской и Самарской губерниях в мае 1917 г. на общесословных съездах, созванных на основе крестьянских, были смещены губернские комиссары первого призыва из председателей губернских земских управ и заменены местными деятелями общественных организаций, эсерами по партийной принадлежности. В Казанской и Симбирской губерниях назначенные в марте 1917 г. Временным правительством губернские комиссары пока сохранили за собой посты, но ситуацией на вверенных им территориях владели недостаточно.

Примечания

¹ Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17 апреля) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 107.

² Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.2. С. 19.

³ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 13.

⁴ Ненароков А.П. 1917: Краткая история, документы, фотографии. М., 1988. С. 109.

⁵ Там же.

⁶ Симбирская народная газета. 1917. 21 мая.

⁷ Там же.

⁸ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Захаров Н.С., Емельянов И.А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции (По материалам Казанской губернии). Казань, 1957. С. 22.

¹¹ НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

¹² Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. Пенза. 1917. 13 мая.

М.С. Кокарев*

**НИКОЛАЕВСКОЕ И УРАЛЬСКОЕ ВИКАРИАТСТВА В СТРУКТУРЕ
САМАРСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛА XX В.**

дних из самых актуальных церковно-административных вопросов для Русской Церкви конца синодального периода был вопрос статуса и полномочий викариев. Делопроизводство с каждым годом усложнялось; у Самарского епископа в некоторые предреволюционные годы число дел доходило до 20000¹. В результате епископ, по словам одного исследователя, «оказывался по большей части прикован к своему письменному столу, что затрудняло его поездки по епархии»². Сохранявшийся до 1917 г. принцип, по которому границы епархии должны были соответствовать границам губерний, также не способствовал облегчению дела. В целях помощи правящим архиереям к 1917 г. было учреждено 70 викариатств³. При этом никакого четкого положения о статусе и полномочиях викария не было создано. Викарий чаще всего получал инструкции непосредственно от правящего архиерея или же они оговаривались Синодом при учреждении.

Самарская епархия, основанная в 1851 г., была одной из стремительно развивавшихся территорий Русской Православной Церкви. К 1900 г. численность населения составляла около 3 млн. человек, из которых православных вместе с единоверцами было 2239691 человек⁴. Неудивительно, что в начале XX в. остро встал вопрос об эффективности управления столь крупной территорией с большим количеством приходов, которые правящий архиерей не имел возможности регулярно посещать. Кроме того, в епархии была непростая ситуация с расколом, было много единоверческих приходов, активизировалась миссионерская деятельность. Все это актуализировало вопрос о викарии, который бы помогал правящему архиерею в делах управления епархией и координировал бы миссионерское направление.

В ноябре 1900 г. епископ Гурий (Буртасовский) обратился в Синод с предложением учредить в Самарской епархии викариатство. Назначить викарием он предлагал архимандрита Тихона (Оболенского), настоятеля Спасо-Преображенского единоверческого монастыря, Николаевского уезда. Аргументируя свой выбор, епископ Гурий пишет: «в продолжение почти девятилетнего своего служения он (архим. Тихон – авт.) вполне оправдал доверие к нему Св. Синода по назначении его, в 1892 г., на должность настоятеля названного монастыря»⁵. В характеристике отмечается, что, обладая богатыми способностями и добрыми нравственными качествами, архимандрит Тихон «сумел привить дух православия» не только братии своего монастыря, но и других соседних единоверческих обителей⁶. Кроме того,

* © Кокарев М.С. - аспирант Общецерковной аспирантуры им. Кирилла и Мефодия (Москва), 2014.

кандидат имел огромное влияние на местных старообрядцев, «благодаря которому в настоящее время в них не усматривается того грубого фанатизма, каким они отличаются... Такое влияние его простирается на раскольников почти всего Николаевского, весьма обширного, уезда. Не без пользы и успеха он ведет беседы о православии и с сектантами...»⁷.

Саму необходимость учреждения викариатства епископ Гурий видел в «усиленной деятельности духовенства по народному образованию и миссионерскому влиянию по просвещению язычников, состоящих под сильным влиянием магометанства, и обращению в православие раскольников и разного рода сектантов»⁸. С назначением викарием Тихону представилась бы возможность расширить свою пастырскую и миссионерскую деятельность по всей Самарской епархии. Однако речь шла не только о помощи правящему архиерею по общепархиальным делам. Особые полномочия викарий должен был получить в отношении уездов Николаевского и Новоузенского «как ближайших к месту его пребывания»⁹.

Доклад Синода по поводу учреждения в Самарской епархии викариатства был Высочайше утвержден 17 декабря 1900 года. В указе говорилось, что викарная кафедра учреждается на местные средства. Наречение и хиротония архимандрита Тихона (Оболенского) в епископа Николаевского должны были состояться в Самаре. Данный указ был получен в Самаре уже 3 января 1901 года¹⁰. Сама хиротония состоялась 14 января в сослужении епископов: Самарского Гурия, Оренбургского Владимира, Симбирского Никандра и Чебоксарского Иоанна. Уфимский преосвященный Антоний опоздал из-за неполадок на железной дороге и вышел уже только на вручение жезла епископу Тихону¹¹.

Местом пребывания для епископа Николаевского был определен все тот же Спасо-Преображенский монастырь, который должен был содержать викария. Еще до рукоположения Тихону было разрешено взять из монастырских денег 2000 р. на расходы по хиротонии и для «экипировки соответственно сану»¹². Во время своих приездов в Самару (на время отсутствия правящего архиерея) викарий останавливался в каменном флигеле архиерейского дома.

Самым интересным был вопрос о полномочиях и обязанностях викарного архиерея. Епископ Гурий запросил консисторию о соображениях по данному вопросу. Последняя в своем журнале от 22 января 1901 г. дала список дел, которые, по ее мнению, должны относиться к ведению викарного епископа. Список этот состоял из двух частей: 1) дела общепархиальные и 2) дела по уездам Николаевскому и Новоузенскому.

По всей епархии: 1) заведование всеми единоверческими приходами и монастырями во всех отношениях; 2) По проповеди: а) назначение очередных проповедей и катехизических поучений в соборах и приходских церквях (кроме Самары) и б) о воскресных внебогослужебных поучениях; 3) о наблюдении за неисполнением христианского долга и назначение епитимий за небытие на исповеди; 4) ревизия обыскных книг и других церковных документов; 5) рассмотрение журналов благочиннических съездов ду-

ховенства и окружных училищных съездов, не требующих безотлагательного распоряжения, и б) рассмотрение годичных и полугодичных отчетов благочинных.

По Николаевскому и Новоузенскому уездам: 1) обращение сектантов и иноверцев в православие; 2) разрешение малолетних браков и браков в родстве; 3) посвящение в стихарь; 4) назначение законоучителей светских училищ; 5) контроль за приходскими попечительствами¹³.

Епископ Гурий, судя по всему, видел полномочия своего помощника несколько шире. На журнале консистории он наложил резолюцию: «Со своей стороны, я полагал бы, кроме означенных дел, предоставить право преосвященному викарию, по предварительному соглашению с епархиальным епископом, но по личному его усмотрению, для пользы службы, перемещения с места на место, в пределах Николаевского и Новоузенского уездов, как священнослужителей, так и псаломщиков...»¹⁴. Гурий предлагал также передать викарию все дела по награждению достойных клириков по его двум уездам.

Консистория, однако, не согласилась с правящим архиереем. Чиновники совершенно логично предположили, что дарование таких полномочий епископу Тихону вызовет массу жалоб и ходатайств со стороны перемещенных викарием клириков к епархиальному архиерею, как к высшей власти. Будет много лишней переписки, а в случае, если правящему архиерею придется отменить какие-либо решения викария, откроется простор для конфликтов¹⁵. В результате было принято решение остановиться на первом варианте, предложенном консисторией, который и был напечатан в епархиальных ведомостях¹⁶.

На деле оказалось, что процесс настройки и отладки механизма взаимодействия викарного епископа с епархиальными институтами достаточно длительный и сложный. Инстанции еще очень долго путались и обращались не туда, куда следовало бы в новых условиях. Так, уже в конце 1902 г. секретарь епископа Гурия Николай Тихомиров сообщал правящему архиерею, что до сих пор в канцелярию епархиального архиерея обращаются как консистория, так и благочинные единоверческих церквей по делам последних. Канцелярия в связи с этой перепиской превратилась в «передаточную инстанцию», что нарушает порядок, утвержденный больше года назад, да и вообще «неудобно для деловодства по единоверческим делам»¹⁷.

В своей резолюции на этом рапорте сам епископ Гурий сетовал, что с самого момента передачи викарию дел по единоверию он не получает никаких сведений, необходимых ему для составления отчета в Синод. По этой причине Гурий принял решение вернуть единоверческие дела в ведение епархиального архиерея и дал консистории распоряжение известить об этом как епископа Тихона, так и единоверческие приходы, и монастыри¹⁸.

Что же касается помощи по общепархиальным делам, то тут тоже возникли сложности по причине отдаленности Николаевска от Самары. Так, например, предполагалось, что викарий избавит правящего архиерея от

необходимости просматривать журналы окружных училищных съездов (по крайней мере, эта обязанность числилась в разряде дел «по всей епархии»). В результате к епископу Тихону попадали в лучшем случае журналы ближайшего Николаевско-Новоузенского округа; остальные по-прежнему просматривал епархиальный архиерей.

Таким образом, размер помощи викарного архиерея оказался не таким большим, как ожидалось. Епископ Гурий скоро понял все неудобства такого положения. Осенью 1903 г. он писал консистории, что имеет «намерение ходатайствовать пред Св. Синодом о перемещении резиденции викария в Самарский Николаевский монастырь, чтобы быть ему... по епархиальному управлению в помощь мне»¹⁹. В связи с этим возникла переписка с монастырем на предмет наличия у него средств для содержания викария. Мы не имеем точных сведений о том, успел ли епископ Гурий отправить ходатайство в Синод до того, как его самого в апреле 1904 г. перевели на кафедру в Симбирск, и возникал ли данный вопрос при его преемнике, епископе Константине (Булычеве). В любом случае в 1908 г. перемещение викария в Самару стало совсем неактуальным ввиду присоединения Уральской области и изменения статуса викария.

В результате постоянной резиденцией епископа Николаевского все время оставался Спасо-Преображенский монастырь. Литургически власть епископа Тихона выражалась в том, что его поминали за службами в Николаевском и Новоузенском уездах всегда, а в других уездах только при его присутствии за богослужением. В Николаевском соборе и Спасо-Преображенском монастыре его именовали еще и «Господином нашим»²⁰. Своей канцелярии первоначально викарный епископ не имел; письмоводительские обязанности выполнял вольнонаемный писец самарской консистории Щербаков, получая жалование от того же Спасо-Преображенского монастыря²¹.

В 1908 г. в административно-территориальном устройстве Самарской епархии произошли серьезные изменения. Решением от 7 ноября 1908 г. император утвердил доклад Синода, по которому Уральская область изымалась в церковном отношении из ведения Оренбургского епископа и присоединялась к Самарской епархии. При этом она должна была находиться «под главным ведением Самарского преосвященного и с непосредственным подчинением викарию Самарской епархии с присвоением сему последнему наименования Уральским, взамен настоящего наименования Николаевским...»²².

Таким образом, резко увеличилась территория и численность населения Самарской епархии. Образованная в 1868 г. Уральская область была 4-й по площади среди регионов Европейской России и занимала 284 411 кв. версты (примерно 303 182 кв. км)²³. Из этих земель 62067 кв. версты принадлежали казакам Уральского казачьего войска, а 222343 – были государственной собственностью, которой пользовались киргизы (казахи).

Общая численность населения Уральской области по официальным данным составляла 743 818 человек. Однако цифра эта приблизительно, так

как численность кочевников подсчитать было сложно. Более точна цифра проживавших на собственно войсковой территории – 259378 человек²⁴. Из них: православных было 102958 человек, единоверцев – 69183, старообрядцев – 68580, мусульман – 17348. При этом большинство уральских казаков было или старообрядцами (66249) или единоверцами (65783), а православными всего 3860 человек. Напротив, люди невойскового сословия («иногородние») были в основном православными – 99098²⁵. Всего войсковому сословию принадлежали 144678 человек, следовательно, старообрядцев была почти половина.

Епископ Тихон получил в управление область почти на 2/3 населенную мусульманами-киргизами, где из всего христианского населения около половины составляли старообрядцы и единоверцы. Такое соотношение ставило перед викарием в первую очередь миссионерские задачи и требовало корректировки его полномочий. Действительно права Уральского епископа были значительно шире, чем ранее у епископа Николаевского. Он получил право определять, увольнять и перемещать клириков в пределах области, самостоятельно заведовать делами церковного и монастырского хозяйства, приобретать и рассылать бланковые листы для метрических книг и других церковных документов²⁶. Таким образом, мы видим, что были реализованы те предложения, которые еще в 1901 г. выдвигал епископ Гурий при учреждении викариатства²⁷.

В отношении следственных дел, касающихся клириков Уральской области, был установлен порядок, согласно которому все подобные дела перед утверждением их Самарским архиереем присылались на просмотр епископу Тихону²⁸. Все остальные дела (приходские, наградные) были оставлены в ведении епархиального архиерея.

В связи с расширением полномочий и ростом количества дел, входящих в сферу ответственности викарного архиерея, была создана канцелярия Уральского епископа. Состояла она всего из двух человек: секретаря и казначея. Вплоть до 1917 г. эти должности занимали соответственно священники Иоанн Хованский и Мирон Саблин²⁹. Им полагалось жалование: первому – 600 р., а второму – 300. Деньги на это должны были быть приняты на суммы Уральского казачьего войска. Однако, судя по документам, войсковое начальство не спешило брать канцелярию епископа на свой баланс. Так в 1911 г. деньги поступали все еще из специальных сумм Синода³⁰. Оттуда же перечислялись деньги на канцелярские надобности (100 р.), хотя по определению Синода, они абсолютно точно должны были удовлетворяться на местные средства³¹.

В 1914 г. Синод дополнительно расширил права викария. В его ведение перешли дела о награждении и представлении к наградам как священноцерковнослужителей, так и других лиц, а также право открытия и закрытия приходов и вопросы материального обеспечения духовенства. Перемещать духовенство из викариатства в другие части епархии и наоборот можно было только с обоюдного согласия обоих архиереев. Епископ Тихон сносился по всем этим делам непосредственно с Синодом, лишь ставя в извест-

тность о своих действиях правящего архиерея³². Центральные учреждения духовного ведомства в делах, касающихся Уральского викариатства, в свою очередь, «должны входить в непосредственное сношение с епископом Уральским или подчиненными ему учреждениями, причем в таких случаях епископу Самарскому или починенным ему учреждениям Самарской епархии посылаются только уведомительные бумаги»³³.

Таким образом, ситуация с викариатством в Самарской епархии достаточно показательна для Русской Церкви начала XX в. При учреждении Николаевского викариатства его основной целью предполагалась помощь правящему архиерею, но при этом оговаривались и особые полномочия викария по отношению к двум уездам, что изначально закладывало определенную двойственность. В 1908 году ситуация поменялась, и Уральский епископ получил от Синода инструкцию с достаточно широкими полномочиями. Вся дальнейшая история Уральского викариатства – путь к созданию независимой епархии. Этапами этого пути были и выделение отдельной строкой финансирования в 1912 г. и максимальное расширение полномочий в 1914 г. Создание в викариатстве структур со статусом епархиальных (переселенческий комитет, миссионер-проповедник) также свидетельствует о намерении сделать область отдельной епархией. Разговоры об этом шли как минимум с 1910 г., о чем упоминали местные архиереи и даже говорилось в синодальном указе. Однако последний шаг сделан не был, а Уральское викариатство так и оставалось до 1917 «полунезависимой» епархией³⁴. Эта медлительность в решении проблем епархиального управления неизбежно сказывалась на эффективности последнего.

Примечания

¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090. Л. 9 об.

² Смолич И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917. М., 1997. Ч. 1 С. 268.

³ Там же. С. 269.

⁴ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 год. Самара, 1900. С. 68.

⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 2 об.

⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 9 – 9 об.

¹² Там же. Л. 4 об.

¹³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 19 – 20.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л.22 об – 23.

¹⁶ Круг дел, подлежащих ведению Преосвященного Викария Самарской Епархии // Самарские Епархиальные Ведомости. 1901. № 5. С. 29 – 30. (оф. ч.)

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 31 – 32.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4609. Л. 1.

²⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 34.

²¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 19 – 20.

²² Высочайшие повеления // Церковные ведомости. 1908. № 48. С. 351.

²³ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. Уральск, 1908. С. 75.

²⁴ Там же. С. 83.

²⁵ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. Уральск. С. 83.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2727. Л. 2.

²⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 19.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2727. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 60.

³⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4970. Л. 2.

³¹ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Самарские Епархиальные Ведомости. 1909. № 1. С. 3. (оф. ч.)

³² О расширении прав Уральского викария // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1914. № 47. С. 1979.

³³ Там же. С. 1979.

³⁴ И. К. Смолич упоминает только 3 викариев, которые управляли частью епархии и имели свое собственное правление: Сарапульского, Велико-Устюжского и Холмского. См.: Смолич И. К. Ук. соч. С. 270. Уральский викарий, по нашему мнению, также вполне вписывается в этот ряд.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В первые месяцы Первой мировой войны политические распри на время были забыты, идеи патриотизма объединили представителей всех сословий. В конце июля – августе повсеместно в России прошли чрезвычайные дворянские собрания. На них были приняты верноподданнические адреса Николаю II по случаю вступления России в войну, а также подняты вопросы об объединении дворянских обществ для создания организации помощи раненым; избрании с этой целью представителей с широкими полномочиями от каждой дворянской организации на Всероссийский съезд; создании общей кассы. Выступивший на экстренном собрании дворян (8 августа 1914 г.) начальник Курской губернии Н.П. Муратов ознакомил поместное дворянство с подготовительными действиями к войне, проведенными в губернии. Он особо подчеркнул важную роль уездных предводителей дворянства, стоявших во главе уездных воинских присутствий, их «энергичную деятельность и безукоризненное отношение» к проведению мобилизации. По инициативе Курского губернского предводителя дворянства была оказана помощь семьям мобилизованных в уборке хлеба. На собрании было решено организовать помощь по уездам так, чтобы децентрализовать ее, причем в обязанность уездных предводителей дворянства «было вменено руководить частными организациями» и объединять их усилия. Курское дворянское губернское собрание выделило средства на общедворянскую организацию помощи раненым воинам, на воздушный флот и оказание помощи семьям дворян, призванных на фронт¹. Подобные решения были приняты и другими дворянскими собраниями России².

28-29 августа 1914г. состоялся съезд общедворянской организации помощи больным и раненым воинам. На нем было решено выделить собранные дворянством различных губерний средства (около 1700000 рублей) на создание и укомплектование 20 санитарных поездов, которые вывозили раненых в тыловые госпитали. Дворянские поезда обслуживали Юго-Западный фронт. По мере продолжения войны расширялась сеть общественных организаций в тылу, содействующих укреплению обороноспособности страны. Московское земство выступило инициатором объединения земств для помощи раненым. Комиссия в составе кн. Г.Е.Львова, Ф.В.Шлиппе и других разработала проект общеземской санитарной организации. 30 июля 1914г. в Москве был созван Всероссийский земский съезд, на котором было при-

* © Баринава Е.П. - доктор исторических наук, профессор, Самарский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, 2014 г.

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 14-01-00277. «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.)».

нято решение об образовании Всероссийского земского союза, к которому примкнули все губернские земские организации, за исключением Курского губернского земства. Возникали такие организации помощи армии, как Городской союз, военно-промышленные комитеты.

На протяжении второй половины 1914-1916 гг. вопросы помощи фронту были главными в деятельности корпоративных организаций. Они рассматривали вопросы устройства лазаретов, размещения беженцев и обеспечения их нужд, сбора дополнительных средств в пользу общедворянской организации помощи раненым воинам. К губернским предводителям дворянства поступали многочисленные письма с предложениями о различной помощи. Дворянство активно включилось в сбор средств на нужды войны. В созданных земством комитетах по снабжению и снаряжению армии дворяне занимали ответственные посты. Они председательствовали на съездах по борьбе с дороговизной, участвовали в военно-промышленных комитетах, входили в губернские отделы центрального комитета помощи беженцам³. Война открыла перед дворянами-землевладельцами ряд новых источников доходов, связанных с военными поставками. Важнейшим каналом, по которому эти доходы поступали к помещикам, был Всероссийский земский союз. По его заказам в помещичьих имениях изготавливались различные предметы интендантского снабжения армии, осуществлялись поставки продуктов, скота, леса и т.д. Практически все крупные дворянские имения поставляли хлеб для армии и лес на железные дороги.

Поместное дворянство всячески обращало внимание населения на «свои хорошие начинания» в организации помощи фронту. Сетую на то, что «они не известны нашему солдату», из-за замалчиваний левой прессы, Н.Е.Марков-2 предложил чрезвычайному Курскому губернскому дворянскому собранию (20 февраля 1915 г.) регулярно публиковать отчеты о деятельности дворян в этой сфере⁴.

Война ухудшила экономическое положение дворянства, привела к росту задолженности помещиков по платежам Дворянскому банку, лишила дворянские имения рабочей силы, наемный труд резко подорожал. Часть дворянства и в условиях военного времени думала только о том, как бы улучшить свое экономическое положение, уменьшить бремя долгов, отягощавших имения, и продолжала просить правительство, Министерство финансов о новых льготах и помощи. Так, тульский предводитель дворянства разослал письма Председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру, министру землеустройства и земледелия А.Н. Наумову и военному министру Д.С. Шуваеву с просьбой о снабжении сельских хозяйств губернии недостающим числом рабочих рук. В частности, он просил доставить китайцев для увеличения числа рабочих в помещичьих хозяйствах и для нужд других земледельцев. Подобные требования раздавались и из других губерний. Саратовское губернское дворянское собрание (14 сентября 1915г.) постановило ходатайствовать перед Министрами военным, внутренних дел, торговли и промышленности и главным управлением землеустройства и

земледелия об оставлении военнопленных в губернии до окончания сельскохозяйственных работ, а, по возможности, и до конца войны⁵.

Особенно активно этот вопрос обсуждался на одиннадцатом съезде уполномоченных дворянских обществ (10-13 марта 1915 г.). В выступлениях дворянских делегатов звучали требования безвозмездности работы военнопленных на государственных и общественных работах и удешевлении их содержания в имениях⁶. Для восполнения убыли рабочей силы на заседании Совета министров 15 января 1916 г. А.Н. Наумов предложил две меры: разрешить в России использовать труд китайских рабочих и предоставить землевладельцам на время сбора урожая воинские части. В результате к весне 1916 г. в распоряжении министерства имелось свыше 350 тысяч военнопленных, которые распределялись затем по хлеботородным районам Европейской России⁷.

Спрос на военнопленных был огромный. Ставропольское, Саратовское и Воронежское чрезвычайные губернские дворянские собрания пытались рассмотреть пути выхода из социально-экономического кризиса. В связи с этим они просили правительство прислать рабочих-китайцев на сельскохозяйственные работы, оставить на зимние работы военнопленных. Собрания постановили ходатайствовать о расширении правил сельскохозяйственного кредита, облегчении условий его получения, о причислении к капитальным долгам дворянских недоимок по платежам ссуд, выданных из Дворянского банка. Саратовское чрезвычайное губернское дворянское собрание требовало предоставить право выбора представителей от дворянских обществ для участия в совещаниях о торговых договорах с иностранными государствами⁸. Эти просьбы дворян были услышаны правительством. Например, к середине 1916 г. в частновладельческих хозяйствах Симбирской губернии использовался труд более 4 тысяч военнопленных и 653 беженцев⁹. Тем не менее помещики продолжали свертывать собственную запашку и увеличивать сдачу земли в аренду крестьянам.

Регулирование цен на сельскохозяйственные продукты проводилось путем введения местных такс, ограничения вывоза хлеба. Эти меры регламентировались обязательными постановлениями. Таксы, как правило, принимались с учетом рыночных цен, действовавших к моменту проведения таксировки. Однако к осени 1915 г. выяснилась недостаточность этих мероприятий и правительство установило твердые цены, обязательные для закупки правительственными и общественными организациями. Эти скорректированные цены просуществовали до урожая 1916 г. Многие помещики были заинтересованы в увеличении продовольственных и фуражных поставок, в освобождении их от реквизиций в пользу фронта.

А.Н. Наумов вспоминал, что такая, предпринятая им, мера, как установление твердых цен на продукты первой необходимости, вызвала появление «просителей всех званий и рангов», донимавших министра просьбами о предоставлении льготных расчетных привилегий. «В этом отношении особенно усердствовали господа сахарозаводчики, – вспоминал он впоследствии, – являвшиеся ко мне и по одиночке и целыми депутациями.

Досадно и больно было мне выслушивать эти жалобные lamentации, и стыдно становилось за подобных просителей»¹⁰.

Общие экономические потрясения, оккупация части территории, мобилизация населения способствовали сокращению посевных площадей в стране, уменьшению объемов сельскохозяйственного производства. Однако, главными причинами продовольственного кризиса являлась несогласованность деятельности различных органов власти, занимавшихся продовольственным обеспечением, и отсутствие детально разработанной программы перевода хозяйства на военные рельсы. Мероприятия, предлагаемые министрами земледелия, чаще всего не встречали поддержки со стороны правительства и императора. В начале 1916 г. Министерством земледелия рассматривался вопрос об образовании особого земельного фонда для наделения демобилизованных нижних чинов – участников Первой мировой войны – земель. Первоначально предполагалось создать этот земельный фонд из части казенных и удельных земель, которые при помощи мелиоративных работ нужно было привести в пригодное для сельскохозяйственных работ состояние. А.Н. Наумов предлагал включить в этот фонд часть земель частных крупных владельцев, которые они сдавали в аренду, а не обрабатывали сами. Для этих крупных землевладельцев планировалось вознаграждение. 25 марта 1916 г. в «Новом времени» появилось сообщение, что министр земледелия внес в Совет Министров предложение об ассигновании 11 млн. рублей на образование государственного земельного фонда¹¹. А.Н. Наумов написал опровержение, однако, оно было опубликовано запоздало¹². В конечном счете, вместе с уходом А.Н. Наумова с министерского поста этот проект остался лишь на бумаге.

В связи с резким ухудшением положения в стране, кризисом власти и недоверием к правительству поместное дворянство искало пути выхода из тупика при помощи компромиссов, уступок, сближения с думской оппозицией. Критика правительства сводилась к констатации несогласованности между органами правительства, «расстройству во всех отраслях государственной жизни», поиску шпионов в правительственных сферах. Так, на чрезвычайном земском собрании Саратовской губернии (2 декабря 1916г.) обсуждался доклад комиссии «о возбуждении ходатайства об установлении твердых цен на предметы обрабатывающей промышленности». Во всех выступлениях лейтмотивом звучал вопрос: «считаем ли мы правительство достаточно сильным, чтобы возбуждать перед ним какое-либо ходатайство?». Собрание постановило послать материалы обсуждения проблемы в Государственную Думу, поскольку «... раз мы признали, что правительственная власть в лице самых сильных ее организаций разрушена и дезорганизована, естественно, мы к ней не обратимся»¹³.

Наиболее четко эта позиция выразилась в ходе обсуждения дворянскими собраниями письма председателя Постоянного Совета А.П.Струкова к Председателю Совета министров И.Л. Горемыкину от 23 августа 1915 г. и правомочности Постоянного Совета объединенных дворянских обществ заявлять свою позицию от имени всего дворянства. Газета «День» писала:

«Уполномоченные от дворянских обществ, недовольные ретроградной политикой влиятельных руководителей, возбуждали вопрос о необходимости созыва съезда, где они надеялись открыто обсудить вопрос о письме А.П. Струкова к И.Л. Горемыкину и другие шаги совета... однако руководители совета не желают созыва съезда»¹⁴. Политика руководителей Совета объединенного дворянства, отказ Струкова от сотрудничества с «общественными силами», его стремление выступать от имени всего сословия было расценено дворянами губерний как «превышение власти». Дворянские общества Полтавской, Костромской, Смоленской и Уфимской губерний вышли из объединения, Петербургское дворянское собрание приостановило свое членство до созыва съезда. Костромское дворянство обвинило Постоянный Совет в выступлении «... против всенародных желаний...», действиях «... во вред народу и его Державному вождю»¹⁵. Московское дворянское собрание приняло резолюцию, в которой отмечало, что «государственная власть должна создать такие условия, которыми бы устранялись всякие справедливые поводы для общественного недовольства...». Указав на необходимость коренных реформ, оно предложило отложить их проведение до конца войны, когда «сближение правительственной власти с обществом будет более своевременно»¹⁶. Московское дворянство высказало мнение большинства дворянских обществ, так как правый курс Постоянного Совета не получил поддержки дворянства. По существу, дворянство отказало в доверии Постоянному Совету, фактически отобрав у него полномочия руководящего центра. Большинство дворянских обществ предпочло не «незыблемость основ», а союз с Думой, своего рода социальный компромисс.

Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране в конце 1916 – начале 1917 гг., постепенно лишала земельных собственников, особенно крупных помещиков, влияния в деревне. Крестьяне развернули активную борьбу за землю. Для грабежа избирали самых незащищенных помещиков или тех, кто проживал в городе. В этих условиях дворянство предлагало сблизить интересы всех земельных собственников, пыталось бороться законными методами с аграрным движением, направляя индивидуальные и коллективные жалобы в местные и центральные органы власти с просьбой принять меры и защитить их интересы. Помещики жаловались на действия крестьян, общин и крестьянских комитетов, а также действия представителей местных органов Временного правительства. Как и в годы первой русской революции, они требовали и просили «защитить их от произвола», принять меры «к ограждению собственности от постоянного посягательства». Дворяне-землевладельцы выступали с критикой положения в деревне на заседаниях губернских исполнительных комитетов, саботировали постановления крестьянских комитетов. Однако, видя неэффективность этих мер, часть помещиков вооружалась или держала в своих имениях военизированную охрану. Необходимость создания действенных организаций, способных защитить интересы помещиков от посягательств крестьян,

вновь вызвала к жизни запоздалую идею организации Всесословного союза земельных собственников. Еще в конце 1916 года группа крупных помещиков (Орлов, Денисов, Щербатов и др.) выступили с предложением создания Всероссийского союза для защиты экономических интересов землевладельцев. В апреле 1917 г. Постоянный Совет объединенного дворянства разослал всем губернским предводителям дворянства письма, в которых поддержал создание губернских союзов земельных собственников. По мнению Постоянного Совета, дворяне должны были принять самое активное участие в их организации и деятельности. Однако, попытки помещиков привлечь крестьян в эти организации не удавались, союзы земельных собственников не смогли создать прочную социальную базу для защиты интересов землевладельцев и их прав собственности.

В годы первой мировой войны в российском обществе постепенно нарастало убеждение, что власть не способна справиться с возникшими трудностями. Дворянство было единодушно в том, что преобразования, проводимые правительством, не улучшают, а лишь ухудшают его положение. При этом тот факт, что представители дворянства занимали все ключевые посты и определяли основные направления общественной жизни, ими просто не учитывался. Декларациями о том, что «дворянство – лучшее словие», рассуждениями об «исторической роли передового сословия» подменялась конкретная программа действий. Особенно ярко это проявилось в ходе обсуждения актуальных вопросов социально-экономического и политического развития России на дворянских собраниях и съездах уполномоченных объединенных дворянских обществ. Стремление дворянства во что бы то ни стало сохранить свое политическое положение вызвало к жизни неопределенную программу реформирования правительства, отложенную до конца войны.

Примечания

¹ Курская быль. 1914. 9 августа.

² См. например: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.19. Оп.1. Д.2601, 2602, 2657, 2684.

³ См.: Волжский день. 1915. 18 июня, 23 июня, 11 июля, 21 июля.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 434. Оп.2. Д. 40. Л. 40-40 об.

⁵ Баринаева Е.П. Власть и поместное дворянство России начала XX века. Самара, 2002. С.290.

⁶ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. М., 2002. Т.3. С. 463–474.

⁷ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954-55. Т.2. С.454.

⁸ Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 177-178.

⁹ Третьякова Г.А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний Центрально-земледельческого района и Поволжья): Дисс. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990. С. 45.

¹⁰ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.392.

¹¹ Новое время. 1916. 25 марта.

¹² Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.464.

¹³ Журнал заседания чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 2 декабря 1916года. Саратов, 1917. С. 2-5, 7.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 434. Оп.1. Д.6. Л. 183; Д. 85. Л. 41 об.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 434. Оп.1. Д.50. Л. 148.

¹⁶ Журнал заседания Постоянного Совета объединенных дворянских обществ 23 октября 1916 года. Пг. , 1916. С.32.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭЛИТА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1991 ГГ.

советском научном и общественно-политическом «лексиконе» не было понятия «элита». Согласно официальной точке зрения, в обществе «реального социализма» отсутствовали (или были маргинальными) отношения типа «элита-масса», «господство-подавление». Вместе с тем, 1960-80-е гг. стали тем периодом советской истории, когда замедлились социальные лифты, и отчетливо проявилась иерархичная (квазиклассовая) социальная структура социализма. Социальной причиной, генерировавшей неравенство, было неравномерное распределение властного (политико-административного) ресурса. Привилегированный слой («новый класс», элиту) составляли лица, занимавшие руководящие посты в системе партийно-государственной власти и управления.

Организационной основой для «сборки» и функционирования советской элиты был аппарат КПСС, обладавший наибольшей субъектностью среди политических структур. Партийно-политическая элита (номенклатура), первоначально представавшая монолитом, в «поздний» период советской истории фрагментировалась, распадалась на «фракции» – партийно-пропагандистскую, технократическую, региональную и другие «субстраты» правящего класса. Конкуренция за ресурсы, взаимодействие, конфликты этих групп элиты были одной из линий эволюции региональной системы власти в «позднесоветский» период.

По итогам «великого десятилетия» (условное обозначение правления Н.С. Хрущева) существенно возросла «самодеятельность» (субъектность) региональной партноменклатуры. Из «протоэлиты» она превратилась в основного инициатора и «проектанта» социально-хозяйственного развития региона. Был устранен внешний (внеаппаратный) контроль со стороны диктаторской власти, дисциплинировавшей партноменклатуру, принуждавшей ее работать в режиме напряжения, мобилизационного развития. В течение 1950-60-х гг. изменился преобладающий (модальный) тип личности в среде партийно-хозяйственной номенклатуры. «Солдата партии» сталинского периода – аскетичного, индоктринированного, привычного к мобилизациям, авральным мероприятиям – сменил функционер, склонный к бюрократической рутине, аппаратному стилю работы. Формированию региональной управленческой среды способствовало создание совнар-

* © Мякотин А.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета, 2014 г.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)».

хозов (1958-1964 г.). Эта реорганизация переместила центр хозяйственного управления в среднее звено власти. Одним из её результатов стало расширение личных контактов, неформальных связей, горизонтальных управленческих «сетей», которые являются важным условием функционирования элиты, основой её самоорганизации.

Наиболее динамичной частью «управленческого класса», последовательно повышавшей свой корпоративный статус, расширявшей численный и должностной состав, являлась хозяйственная элита. На рубеже 1960-х гг. количественный рост местной партхозноменклатуры происходил, в том числе, вследствие сокращения номенклатуры ЦК. Отчасти он был обусловлен неспособностью учетного аппарата ЦК «освоить» информацию о многочисленных партработниках. Однако главной причиной было технико-экономическое развитие, увеличение числа объектов управления, требовавшее, в свою очередь, усложнения управляющей системы. Так, в 1958-1965 гг. объем промышленного производства в Куйбышевской области увеличился более чем в 2 раза, в том числе на предприятиях, подведомственных областным властям – в 1,7 раз; было вполнину сокращено количество рабочих, занятых малоквалифицированным ручным трудом¹. Соответственно, расширялись управленческие штаты, номенклатура руководящих должностей. Большая часть руководителей-«хозяйственников» была охвачена номенклатурой ЦК и местных парткомов. В номенклатурную «обойму» входили руководители хозяйственных отделов парткомов, региональных плановых органов, директора крупных предприятий и их заместители. Вместе с тем, принадлежность к хозяйственной элите определяется не только формальным статусом в системе власти, но и ролью (часто не формализованной) в инициировании, разработке, согласовании и принятии решений (программ, планов и т.д.). По этому критерию к региональной элите могут быть с полным основанием отнесены руководители и заместители, ведущие сотрудники научно-исследовательских, проектных институтов, конструкторских бюро, начальники цехов, главные инженеры промышленных и транспортных предприятий, строительных трестов, не входившие в партноменклатуру. Численность хозяйственной элиты можно приблизительно оценить по количеству экономических объектов. Так, в 1970 г. в Куйбышевской области функционировало около 480 промышленных предприятий, 412 колхозов и совхозов². Основная номенклатура Куйбышевского обкома в рассматриваемый период была стабильной и включала 1100-1200 работников (административно-хозяйственные должности составляли 35-40%); учетная номенклатура примерно соответствовала ей по численности³.

Состав хозяйственной элиты определялся содержанием и объемом ее деятельности. В этом отношении 1960-80-е гг. отличались от предыдущего периода, поскольку был завершен «рывок к индустриализму». Решались задачи «достраивания» индустриальной экономики, а также «инсталлирования» автоматизированных (информационных) технологий. Руководящая деятельность в этих условиях требовала более сложного информационно-

го (интеллектуального) обеспечения. Расширение административно-хозяйственной элиты происходило не только по формальным критериям (увеличение числа должностей), но и по существу, поскольку в подготовку, экспертизу и утверждение управленческих решений вовлекалось всё большее число специалистов.

В период, начавшийся с десталинизацией, изменился механизм принятия решений. Предельно централизованный, командно-директивный способ разработки и исполнения планов (решений, программ) был заменен системой «бюрократического торга», когда плановые показатели, директивы были результатом внутриаппаратного, «кулуарного» согласования. Роль управленца в этом «теневом» механизме выработки решений определялась не только его должностью, но и, в большей степени, личными контактами, связями. В этой системе инициатива не всегда исходила от союзного центра; напротив, основным инициатором (соответственно, и автором) программ (планов, проектов) регионального развития были местные власти. Проекты, разработанные на региональном уровне, отличались большим количеством экономических параметров, учетом местных ресурсов, рисков и резервов роста, диспропорций в развитии региона. Для воздействия на центральную власть с целью принятия своих предложений, программ региональные руководители использовали набор средств, в том числе внеинституциональных: обращения, докладные записки в ЦК, личные встречи с руководителями министерств и ведомств, постановления областных партийных конференций, публикации в центральной и местной печати. Вероятность одобрения/утверждения была тем выше, чем более концептуальный, системный характер носил проект. В «команду проекта» часто входили сотрудники, единственной задачей которых было «пробить» его в центре; наибольшими возможностями в этом отношении располагали секретари областных парткомов.

Утвержденные планы (постановления, резолюции и т.д.) не являлись императивом, требующим выполнения «любой ценой»; они могли быть скорректированы в сторону снижения. Появление «обратной связи» при выполнении правительственных решений, возможность их пересмотра и повторного согласования, была показателем «суверенитета» региональных хозяйственных руководителей, превращения их из «винтиков» в субэлиту. В позднесоветский период невыполнение правительственных директив уже не грозило арестом или даже потерей должности. Во второй половине 1960-х гг. командно-административная система управления экономикой (и кадрами) была в основном демонтирована; ее заменила система бюрократического квазирынка.

Усиление позиций хозяйственного руководства (в противовес идеологам) в последние советские десятилетия проявлялось в повышении престижа его деятельности. Партийно-государственное управление последовательно проникалось технократическими ценностными установками. Идеологическая (ценностно-рациональная) мотивация хозяйственной политики была вытеснена прагматической. Партийная идеология утратила «пассио-

нарный» заряд, вступив в противоречие с реалиями «развитого социализма». Кроме того, ее «притягательность» более не поддерживалась репрессивными мерами. В среде номенклатуры периода «застоя» было типичным отношением к пропаганде как «шелухе». Неизмеримо большее значение придавалось организационно-хозяйственной деятельности, связанной с распоряжением «реальными» ценностями.

Одним из принципов рекрутирования в партийно-государственный аппарат было выдвижение работников с опытом производственной деятельности. Этот этап карьеры – распорядительная деятельность на производстве – был обычно недолгим, «стартовым», но, тем не менее, почти обязательным для партийно-номенклатурных работников. Рост удельного веса управленцев, выдвинутых «от производства», подтверждает, например, такой факт: в 1965 г. из 354 председателей колхозов 205 (57,9%) – на 10% больше, чем десятилетием ранее – являлись специалистами сельского хозяйства⁴. В числе приоритетов номенклатурно-кадровой политики было повышение образовательного уровня руководителей; для каждого уровня управления существовал образовательный ценз, хотя он не был четким и формализованным. Так, в 1971 г. в составе основной номенклатуры Куйбышевского обкома КПСС 87,7% работников имели высшее образование (в основном экономическое или политехническое), свыше 98% являлись специалистами народного хозяйства. Среди секретарей горкомов и райкомов 94,3% составляли сотрудники с высшим образованием; почти половина имела партийно-политическое образование. На низовом уровне, среди секретарей «первичек», доля лиц с высшим образованием, включая неоконченное, была гораздо ниже – 43%⁵.

Образование, особенно партийно-политическое, представляло собой неявную форму социального контроля. Оно обеспечивало усвоение идеологием, схем (стереотипов) восприятия общественно-политических явлений. Поэтому комитеты и ячейки КПСС стремились вовлечь коммунистов в непрерывный процесс идеологической подготовки, включая самообразование. Например, в 1966/67 г. в Куйбышевской области в кружках, семинарах, школах марксизма-ленинизма обучались более 170 тыс. человек⁶. Высшие партийные школы представляли собой институт – единственный в своем роде – политической социализации партийной номенклатуры. В результате политобразования номенклатурщики усваивали официальную фразеологию (новояз), теоретические догматы. Однако не происходило принятия (интериоризации) целей, провозглашенных идеологией. Вместо добродетелей «строителя коммунизма» партхозноменклатура демонстрировала потребительство и крайний цинизм. Расхождение между нормативными и реальными качествами партийной элиты было показателем далеко зашедшего, необратимого разложения социалистической системы.

Работа с номенклатурными кадрами была основана на «презумпции» вузовского образования, его положительной связи с управленческой компетентностью и качеством государственных решений. Поэтому сведения о росте образовательного уровня руководящих работников приводились в

официальных отчетах как показатель успеха партийной политики, в одном ряду с данными о расширении производства, росте товарооборота и т.д. Результаты деятельности региональной элиты в последние «советские» десятилетия, отмеченные стагнацией и распадом, свидетельствуют, скорее, об отсутствии линейной зависимости между образованием и административной эффективностью. По-видимому, уместно ввести такой параметр, как «коэффициент полезности», характеризующий соотношение между интеллектуальным потенциалом власти и эффектом от реализации её решений; в рассматриваемый период он снижался. Для управленцев регионального звена вузовское образование, кроме прочего, входило в «статусный набор», т.е. было одним из атрибутов принадлежности к высшей социальной стратификации. Более высокий интеллектуальный уровень власти в сравнении с управляемым обществом является (особенно в идеократии советского типа) условием её стабильного функционирования, лояльности к власти активного населения. Тем не менее, в последние десятилетия советской власти образовательный уровень населения рос быстрее, чем партийного руководства. На вершине центральной и, в меньшей степени, региональной власти в этом отношении наметился застой и даже деградация, что стало одной из причин идеологического кризиса советского общества.

Важным «вектором» кадровых изменений в региональном звене управления было увеличение доли работников с техническим образованием, в кадровой отчетности проходивших как «инженеры». Эту тенденцию можно обозначить как экспансию технократов в системе власти; расширение административно-хозяйственного сегмента местной элиты. «Производственники», преобладавшие в советских и хозяйственных органах, расширяли свое представительство в партийных комитетах. Они практически подчинили своим интересам местный партаппарат, используя лоббистские возможности секретарей парткомов для проведения в союзном центре своих проектов, предложений, программ и т.д.

Проекты отделения партии от государственных структур, ограничения её деятельности специфическими кадровыми и идеологическими функциями были оставлены на рубеже 1950-х гг. Усиливалась противоположная тенденция – взаимопроникновение партийного и хозяйственного управления, их целей и – отчасти – кадрового состава. Критерии кадрового подбора в партийных комитетах и в руководстве промышленностью существенно не различались. В партийный аппарат продвигались работники, у которых организационно-хозяйственные навыки преобладали над общеуправленческой компетенцией. Практика введения в партийные органы специалистов народного хозяйства – рациональная, экономически обоснованная – приводила к усилению вмешательства партийных органов в хозяйственную «текучку», более «плотной» опеке над технократами. «Гипертрофия» хозяйственных функций снижала эффективность основной деятельности – работа с кадровым резервом, учет и расстановка номенклатурных кадров, социально-политический контроль.

Происходило совмещение двух контуров управления – партийного и хозяйственного, – изначально имевших разное целевое назначение и масштаб. Партийное управление носило более «принципиальный» и долгосрочный характер, в то время как хозяйственное – преимущественно тактический и оперативный. Дублирование функций, неопределенность ответственности советских, хозяйственных и партийных органов управления сыграли свою роль в дезорганизации системы власти, переросшей в конце 1980-х гг. в острейший кризис.

Во второй половине 1980-х гг. для региона и его социальной «верхушки» завершился период политико-экономической стабильности. Были начаты преобразования, радикально переформатировавшие региональную элиту, ее структуру и состав. Если рассматривать результаты деятельности властной элиты в предыдущие («хрущевско-брежневские») десятилетия, то по многим – количественным – параметрам они представляются значительными. Произошли впечатляющие изменения в облике города, социопрофессиональной структуре населения, производственном потенциале региона. В первой половине рассматриваемого периода, с 1960 по 1975 гг., объем промышленного производства в области увеличился в 4,63 раза⁷. Региональная технократия, инициируя экономический рост, тем самым увеличивала свои ресурсы, социальную базу своей власти. Опережающими – по отношению к другим профессиональным группам – темпами росла численность ИТР (специалистов), являвшихся источником комплектования, «питательной средой» для хозяйственной элиты. В течение пятнадцати лет (1960-1975 гг.) их количество увеличилось в 2,6 раз⁸. Однако механизм хозяйственной деятельности, адекватный раннеиндустриальной эпохе, ставил пределы социально-экономическому развитию. В парадигме «социалистической модернизации» успешно решались задачи количественного роста и создания единичных образцов высокотехнологичной, инновационной продукции. Даже в период расцвета, системного апогея советского социализма – на рубеже 1950-60-х гг. – развитие происходило в основном за счет экстенсивных факторов. В годы семилетки (1959-1965 гг.) только 10% роста в тяжелой индустрии – «флагмане экономики» – Куйбышевской области были вызваны повышением производительности труда⁹. Уже в начале рассматриваемого периода социально-экономическая динамика резко снизилась. Если в 1959-1963 гг. среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составляли 12,9% , то в 1964-1965 гг. - 5,9%. Эта «понижательная» тенденция была долгосрочной; особенно она усилилась с середины 1970-х гг. Если во второй половине 1960-х гг. промышленность региона выросла на 75,5%, то в 1976-1980 гг. – всего на 20%. Основные фонды росли быстрее объемов производства, т.е. снижалась эффективность использования технологий и оборудования. Например, в 1959-1965 гг. фондоотдача в машиностроении в регионе снизилась на 21%¹⁰. Партийное руководство реагировало на это призывами к парторганизациям глубже вникать в производственные проблемы, уделять внимание внедрению технических новшеств. Многие методы внедрения достижений НТР носили черты формализма и

даже профанации: создание общественных конструкторских бюро, кружков рационализаторов и изобретателей и т.д. Мобилизационная экономика, развивавшаяся инерционно, по затухающей, не имела потенциала для преодоления постиндустриального барьера, использования результатов микроэлектронной революции. В 1975 г. на промышленных объектах было всего 109 ЭВМ, использовавшихся в основном для автоматизации вспомогательных, учетно-расчетных функций¹¹. Они не влияли на производительность труда, поскольку именно в это время был отмечен значительный рост статистического и канцелярско-бухгалтерского персонала. В 1980-е гг. советская экономика постепенно выходила на «плато», т.е. простое воспроизводство.

Представители технократической элиты, наиболее компетентные в проблемах производства, глубже других понимали системные причины этих негативных явлений. Для хозяйственной элиты наиболее тревожным симптомом было постоянное снижение прироста инвестиций, падение их результативности и, как следствие, ограничение финансовых возможностей руководителей предприятий. Так, в 1970-е гг. размер фондов материального стимулирования увеличился на 9,4 млрд. рублей, в первой половине 1980-х гг. – всего на 2,4 млрд. руб.¹² В среде хозяйственников не было выработано артикулированных требований, тем более комплексной программы экономических реформ. Существовало подспудное мнение, что «нужны перемены»; также характерным было стремление ограничить опеку со стороны парткратии. Тем не менее, первый этап перестроечных преобразований – «ускорение» – прошел практически под диктовку технократов. Он представлял собой нереалистичную попытку в кратчайшие сроки поднять технологический базис на передовой уровень путем издания директив и маневра инвестициями. В Куйбышевской области одним из центральных лозунгов «ускорения» было «сделать АвтоВАЗ законодателем мод в мировом автомобилестроении». Политика «ускорения» разбалансировала экономику и была быстро свернута. В дальнейшем партийное руководство, охваченное «зудом реформ», сделало акцент на политических преобразованиях («гласность»). В 1988 г. впервые прошли альтернативные выборы советских, а затем и партийных органов. По итогам выборов самую малочисленную категорию составили топ-менеджеры, значительно уступившие советским и партийным работникам, представителям интеллигенции. Материально-финансовые возможности, которыми располагали хозяйственники, на выборах имели меньшее значение, чем социальная демагогия и властный ресурс. Кроме того, в первые годы «перестройки» директора, воспользовавшись расширением автономии предприятий, существенно увеличили свои доходы; это не добавило им популярности. В 1989 г. хозяйственная элита реализовала одно из главных своих стремлений – освобождение от партийной «надстройки»; в парткомах были упразднены экономические отделы. Вместе с тем, распад системы власти, начавшийся с ограничения функций КПСС, нарастание проблем в экономике, радикальная критика советского опыта, упадок идеологии и связанных с ней долгосрочных це-

лей дезориентировали экономическое руководство. В условиях разрушения социума элита стала ориентироваться на индивидуальные и групповые, а не «системные» цели. Обогащение, в т.ч. полуправильными средствами, становится практически единственным мотивом деятельности. Для этого на рубеже 1990-х гг. имелись немалые возможности: создание совместных предприятий, получение льготных кредитов, приватизация прибыльных предприятий, получение привилегий в экспортно-импортных операциях, организация кооперативов при госпредприятиях и др. Квинтэссенцией материальных интересов топ-менеджмента было изменение своего статуса распорядителя государственного имущества на собственника. В этом состояла суть социально-экономических преобразований первой половины 1990-х гг., «заказчиком» и бенефициаром которых являлась административно-хозяйственная элита.

Примечания

¹ Промышленное развитие Куйбышевской области (1959-1965 гг.): Сборник документов. Куйбышев, 1989. С.8.

² Куйбышевская область: историко-экономический очерк. М., 1983. С.301.

³ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.147. Л.68-69.

⁴ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983. С.376.

⁵ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.124. Л.44.

⁶ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983. С.379.

⁷ Куйбышевская область: историко-экономический очерк. М., 1983. С.257.

⁸ Там же. С.224.

⁹ СОГАСПИ. Ф.656. О.141. Л.16.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.145. Л.31об.

¹¹ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.150. Д.4. Л.21; Оп.149. Д.3. Л.137.

¹² Невейницына Е.Д. Роль технократической элиты в советском обществе. 1960-80-е гг. (региональный аспект): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 120.

**КАДРЫ ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В 1960-1991 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

55лЯ идентификации элиты, определения ее состава и границ, необходимо использовать многомерный подход; учитывать разные социальные «координаты»: образование, престиж (репутация, «имидж»), инновационный потенциал, социальное происхождение, владение средствами производства, финансовыми активами. В постиндустриальном («когнитивном») обществе важнейшее значение приобретают «невесомые», информационные факторы социального доминирования: интеллектуальный ресурс, «знаниевый» капитал, манипулирование информационными потоками и т.д. Главным видом ресурсов (атрибутивным для элиты) является власть, т.е. возможность «навязать» свою волю (цели, интересы) другим социальным группам. Вильфредо Парето, родоначальник элитизма, развивал концепцию Ф. Ницше о «воле к власти», согласно которой источником социальной динамики является «воля к могуществу» (власти и т.д.) людей «высшего типа». Признаком элиты (в теории Ф.Ницше – В.Парето) является «волютаристский» потенциал; способность реализовать свою субъектность за счет других общностей (классов, групп). Деление общества на элиту и массу носит универсальный характер. Оно коренится в человеческой природе, не зависит от «формаций» и не устранимо социальным прогрессом. Советская политическая история соответствует «схемам» элитологии; является их эмпирическим подтверждением. Революция 1917 г. представляла собой приход к власти контрэлиты (партии большевиков). Большевиcтская партия, став правящей, внедрила в общество свою идеологию и направила его ресурсы на реализацию своего социального проекта. Она смогла (частично) реализовать свои доктринальные цели, что проявилось в сверхдержавном статусе советского государства. Однако в дальнейшем, на пике могущества «красной империи», начал функционировать механизм деградации правящей элиты, который привел к кризису и распаду Советского Союза.

Элитизм, по своим идейным основаниям и «интенциям», является противоположностью, теоретическим антагонистом марксизма. Это исключает (или крайне затрудняет) их комплексное использование, концептуальную «гибридизацию». Так, в контексте элитизма являются nonsensom, логической аберрацией «рабочее-крестьянское государство», «пролетарская

* © Мякотин А.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета, 2014 г.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р).

диктатура», «государство среднего класса», поскольку власть – атрибут меньшинства. Она предполагает селекцию, «фильтр», отбраковку большей части «человеческого материала». Согласно марксизму, носителями власти являются агенты экономической деятельности (предприниматели, буржуазия и т.д.). Политическая власть вторична, производна от экономической; является ее «служанкой» (в научной терминологии – надстройкой). Отношения, складывающиеся в процессе производства, проецируются на политико-правовую и идеологическую сферу. Марксизм, являющийся обобщением локального (центрально- и западноевропейского) исторического опыта не вполне релевантен для изучения властечетричных обществ («политических» обществ, по выражению О.Н. Крыштановской¹). В России государственная власть являлась не надстройкой (в марксистском смысле), а важнейшей социальной «скрепой», инициатором и «проектировщиком» развития. В этом отношении советская система, подавлявшая предпринимательство и «очистившая» власть от собственности, является закономерным результатом русской истории. Догматы марксизма, абсолютизирующего экономику, блокировали развитие общественных наук; препятствовали теоретическому «самопознанию» советского общества. Методология элитизма позволяет не только «добыть» новое знание, но и, главное, расширить горизонт исследования, определить новые направления научного поиска.

В советском социализме, ввиду отсутствия предпринимателей (как массового социального типа), административно-хозяйственная элита была представлена государственными менеджерами (партхозонаменклатурой). Социально-экономическое развитие, введение новых технологий планировались партийно-государственной бюрократией. Социальное ранжирование (стратификация) было основано, в значительной мере, на «начальственной», административно-управленческой иерархии. Позиция/статус в системе власти и управления обеспечивали доступ к другим видам ресурсов. Только в поздней – нисходящей – фазе развития советской системы приобрели значение другие факторы стратификации: неформальные связи и контакты («блат»), богатство (в т.ч. «теневое»), возможность поездок за границу, участие во внешнеэкономической деятельности и т.д. В правящей группе, в свою очередь, верхнюю страту составляла партийная элита, распоряжавшаяся главными ресурсами – идеологическим и кадровым. Партия производила подбор и расстановку административно-хозяйственных кадров, являлась «гарантом» коммунистической идеологии. Партийные структуры были своеобразной надстройкой над советскими, профсоюзными, хозяйственными органами; они составляли второй, внутренний контур системы власти. Вместе с тем по мере эрозии партийной идеологии и, с другой стороны, накопления общественного богатства, укрепления экономического базиса усиливались позиции хозяйственной элиты. Конкуренция, взаимопроникновение, конфликты партийно-идеологической и «прагматической» (технократической) элиты являются одним из генеральных «сюжетов» в истории региональной власти.

Важно заметить, что наличие многочисленного штата руководителей среднего (регионального) звена само по себе не конституирует элиту. По-

мимо формального критерия (должность/позиция на среднем «этаже» власти) региональная элита должна соответствовать параметрам: комплектование преимущественно «автохтонными» (местными) кадрами, идентификация и поддержка «своих», неформальные связи, консолидирующие элиту; разработка программ, проектов решений, имеющих долгосрочное (стратегическое) значение для экономического развития региона. С этой точки зрения региональное партийно-хозяйственное руководство до середины 1950-х гг. являлось, скорее, «протоэлитой»². Аппарат региональной власти был, главным образом, исполнителем и «диспетчером» решений, принятых «центровверхом». Сталинская система власти воспроизводилась на региональном уровне; местное руководство, обладая почти неограниченными – диктаторскими – полномочиями при выполнении правительственных заданий, являлось «винтиком» в отношениях с центральной властью. Экономическая инициатива местных «столоначальников» могла заключаться в незначительной корректировке плановых заданий, принятии встречных (повышенных) планов, оптимизации их выполнения. «Горизонт планирования» для руководства области был ограничен составлением оперативных (средне- и краткосрочных) планов, которые являлись не правовыми актами, а техническим инструментом выполнения заданий, утвержденных центральными органами. Среди функций местной партийно-административной власти отсутствовало долгосрочное целеполагание, которое является одной из главных «компетенций» элиты. Её деятельность была почти полностью детерминирована плановыми показателями и материально-финансовыми «лимитами», которые определялись общесоюзными (республиканскими) структурами.

Ограниченная самостоятельность (субъектность) регионального аппарата власти проявлялась и в механизме кадровой деятельности. Управление партийно-номенклатурными кадрами было предельно централизованным. Номенклатура Центрального комитета КПСС включала широкий круг должностей, в том числе секретарей районных парткомов, председателей райисполкомов и их заместителей, директоров крупных совхозов и т.д. Т.е. решения по кадровому составу не только областных и городских, но и, во многих случаях, местных (субрегиональных) структур власти принимались на «высшем уровне». Сверхцентрализация позволяла поддерживать определенный уровень мобилизационного напряжения в системе власти, необходимого в условиях послевоенного восстановления. Она обеспечивала не только управляемость «по вертикали», но и тотальный политический контроль в аппарате власти. Такая технология управления кадрами была целесообразной в годы «индустриального рывка» 1930-40-х гг., когда имелся дефицит руководящих кадров. Работники, обладающие навыками и потенциалом для руководства административно-хозяйственными объектами, включались в «номенклатурную обойму», ставились на учет в орготделе ЦК. Они направлялись на ответственные участки деятельности; могли в разное время руководить предприятием, стройкой, краевым/областным советом, партийным комитетом и т.д. Сталинская власть, осуществляя расстановку кадров, периодически производила перемещение (ротацию) номенклатурных кадров «по горизонтали» – между регионами – для предот-

вращения клановой самоорганизации управленческой элиты, складывания корпоративных связей, появления местных «групп интересов», регионального лоббизма и т.д. К концу послевоенного десятилетия, когда общество (и его руководящая «надстройка») вышло из режима «чрезвычайщины», вступило в период стабильного развития, потребовалась реорганизация номенклатурного механизма. Прежде всего, кардинально изменилось соотношение между номенклатурой ЦК и областных/городских парткомов. На рубеже 1960-х гг. номенклатура Куйбышевского обкома включала ключевые должности в городском и районном партийно-советском аппарате (секретари местных парткомов, председатели гор- и райисполкомов, их заместители и др.). Номенклатурная «сеть» областного парткома охватывала администрацию (первые руководители, в ряде случаев их заместители, ведущие специалисты) крупных и средних социальных и промышленных объектов, в том числе общесоюзного значения: завод «Прогресс», КАТЭК, «Куйбышевгидрострой» и т.д. Центральный комитет контролировал своей номенклатурой только небольшую «верхушку» областной власти (секретари обкома, председатель облисполкома и т.д.)³. Эти изменения были, отчасти, вызваны тем, что во второй половине 1950-х гг. учетно-кадровый аппарат ЦК перестал справляться с оперативной обработкой информации о номенклатурных кадрах. Вместе с тем, они фиксировали возросший статус регионального партийно-хозяйственного руководства. Борьба с «культом личности» была формой процесса, который по сути представлял собой приход к власти коллективного субъекта – партийно-хозяйственной номенклатуры. Партийно-административный аппарат, ранее являвшийся инструментом личной власти, приобрел самодовлеющее значение. Система власти перестала быть строго моноцентричной; региональный аппарат стал относительно самостоятельной, автономной структурой управления. Региональные власти могли, во многих случаях, определять долгосрочное развитие области (края, региона), его приоритеты, корректировать общегосударственный политический курс. Последнее отчетливо проявилось при смещении Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., которое было, в значительной мере, политическим «заказом» региональных руководителей, недовольными его организационно-кадровыми «перетрясками».

Определить – ретроспективно – точную численность и персональный состав административно-хозяйственной элиты невозможно ввиду условности ее границ, подвижности состава (даже в течение квартала/года). Один из «грубых» методов оценки численности «топ-менеджеров», составлявших региональную элиту, основан на количестве хозяйственных объектов. Предполагается, что эти показатели коррелируют, примерно соответствуют друг другу. Руководители небольших предприятий (мастерские, районные маслокомбинаты и т.д.) не относились к административной элите; с другой стороны, на самых крупных предприятиях (ВАЗ, «Прогресс» и др.) элита могла быть представлена десятками работников. На 1 января 1961 г. в области насчитывалось 320 государственных предприятий промышленного типа⁴. Самый многочисленный «кластер» составляла легкая и пищевая промышленность (80 предприятий). Ядром областной индустрии, ее наиболее «массивной» (с точки зрения инфраструктуры, количества работающих,

объема производства) частью было машиностроение и металлообработка, представленное 59 предприятиями. Следствием экстенсивного – путем ввода новых предприятий, расширения действующих – развития «социндустрии» был высокий удельный вес промышленности стройматериалов – 53. Структура региональной промышленности, соотношение ее отраслей (суботраслей) в рассматриваемый период было стабильным. Наиболее существенные структурные изменения были связаны со стремительным ростом – с 1960 по 1975 гг. почти в 15 раз – химической промышленности и вводом «волжского автогиганта» – автомобильного завода в Тольятти. Количество индустриальных объектов (заводов, баз, электростанций, комбинатов и т.д.) за эти тридцать лет увеличилось в полтора раза. Одновременно происходило «масштабирование» предприятий, их укрупнение. Если в 1950-е гг. заводами-гигантами называли предприятия с 10-12 тысячами сотрудников, то в 1970-е – не менее 20-30 тыс. При этом численность управленческого персонала увеличивалась не пропорционально количеству работников, а, скорее, «по экспоненте». Так, в 1981 г. агропромышленном комплексе (АПК) Куйбышевской области насчитывалось 33,8 тыс. руководящих работников, хотя лишь незначительная их часть может быть отнесена к региональной элите⁵. Развитие специализации производства сопровождалось интеграцией управленческих структур, созданием новых (межведомственных, надотраслевых) органов управления. Получила распространение такая форма концентрации (координации) хозяйственной деятельности, как производственные объединения. В 1975 г. в области существовало 25 таких объединений, которые производили треть промышленной продукции. К концу 1980 г. насчитывалось 47 производственных объединений, в которых было сосредоточено 57% индустриальных рабочих, выпускалось 60% продукции⁶. Таким образом, для борьбы с «болезнью» позднесоветской экономики – ведомственностью – создавались новые бюрократические структуры; расширялась (на уровне область-город) номенклатура руководящих должностей.

Наиболее многочисленной частью административно-экономической элиты были руководители предприятий (директорат). В 1972 г. номенклатура обкома включала 91 руководителя (управляющего, директора и т.д.) производственного предприятия. В эту цифру не входят их заместители, руководители транспортных предприятий, отраслевых органов управления. Возрастной диапазон этой группы управленцев был широк – от 34 до 67 лет; вместе с тем сотрудники младше 40 лет (родившиеся после 1932 г.) были единичными. Заметим, что возраст руководителей статистически коррелирует с номенклатурным статусом, т.е. масштабом и значимостью руководимого объекта. Директора самых крупных предприятий – Волжской ГЭС, ЗИМа, АвтоВАЗа – были и самыми «возрастными» работниками; в 1972 г. им было, соответственно, 67, 63 и 57 лет⁷. Четвертая часть работников (23 чел. или 25,2%) родились в досоветский период (в 1917 г. и ранее) и начали руководящую на кануне войны либо в годы послевоенной реконструкции. Большинство руководителей предприятий были рекрутированы в систему управления в 1950-е – первой половине 1960-х гг. Большая часть директоров находилась в должности до 5 лет; имели стаж руководящей работы в отрасли в пределах 10-15 лет. Средний возраст директорского кор-

пуга составлял 50 лет. Наиболее многочисленной возрастной «когортой» были родившиеся в 1920-е гг. (39 человек, т.е. 42,8%). С другой стороны, огромные демографические потери, понесенные этим поколением, были причиной ускоренной карьеры многих представителей «поколения 1930-х». Группа руководителей предприятий, родившихся в 1930-е гг., была достаточно многочисленной (17 чел. или 18,6%). Вузовское образование было типичным – почти нормативным – для директоров (начальников, управляющих) предприятий; его имели 83 работника (91,2%). Заметим, что в двух случаях это было высшее партийное (ВПШ), т.е. номинальное вузовское образование. Категория руководителей, не закончивших «высшую школу», сокращалась, оставаясь, тем не менее, «заметной». Среди 8 управленцев, не имевших вузовского диплома, был работник с незаконченным высшим образованием и один руководитель (директор ТЭЦ) без полного среднего (специального) образования. На основе этих данных сложно установить корреляцию между образованием и объемом полномочий, административным статусом номенклатурного работника. Например, руководитель крупнейшего промышленного объекта – Куйбышевского производственного объединения – имел незаконченное вузовское образование. Соотношение между сотрудниками, получившими образование в области и за ее пределами, позволяет, в какой-то мере, судить о соотношении внешних и внутренних источников комплектования директората. В других регионах получили образование около половины (44 из 91) сотрудников. География получения образования была разнообразной (Грозный, Ростов, Иваново, Орджоникидзе, Бугуруслан и т.д.). Однако подавляющее большинство «приезжих» сотрудников окончили московские вузы (МИСИ, МХТИ, Автодорожный институт). Они приехали в регион в период его мощного индустриального рывка 1940-х – 1950-х гг., когда внутренние резервы не «закрывали» растущую потребность в управленцах.

В номенклатурном списке Куйбышевского обкома за первое полугодие 1972 г. 237 работников (18,5% общей численности) по статусным характеристикам, служебным полномочиям могут быть отнесены к хозяйственно-экономической элите. Если этот показатель дополнить «фигурантами» административно-хозяйственной элиты, состоявшими в номенклатуре ЦК и горкомов, он возрастет, как будет показано далее, на 80-100%. Численность экономической элиты региона находилась, следовательно, в пределах 450-500 человек. В следующие полтора десятилетия она существенно не изменилась, поскольку советская экономика (и ее надстройка) стагнировала. К 1988 г. численность номенклатуры Куйбышевского обкома по сравнению с началом 1970-х гг. возросла почти в два раза и составила 2302 сотрудника⁸. Однако увеличение произошло за счет нижних, «предэлитных» слоев номенклатуры: секретари первичных парторганизаций (523 чел.), ответственные работники гор- и сельрайкомов (572 чел.). Некоторые категории хозяйственных руководителей были исключены из номенклатурного списка (главные инженеры, руководители НИИ и ОКБ). В обкомовскую номенклатуру за 1988 г. входили 133 хозяйственных руководителя (и их заместителей) – директора заводов (комбинатов, трестов), главы производственных объединений, органов хозяйственного управления (комитетов и др.). По срав-

нению с началом 1970-х гг. (138 работников – см. выше) этот «кластер» номенклатуры обкома незначительно сократился. Это было обусловлено децентрализацией кадровой деятельности; расширением номенклатуры местных (городских, районных) комитетов. Параметром, характеризующим (косвенно) кадровую динамику партхозноменклатуры, является возраст. Наиболее многочисленной была возрастная категория 46-50 лет – 36 работников (27,9%). По мере удаления от нее – в сторону повышения или уменьшения – численность возрастных «страт» пропорционально снижалась. Например, группа 51-55 лет включала 29 работников (22,4%), 56-60 лет – 20 чел. (15,5%), старше 60 – 11 чел. (8,5%), 36-40 – 20 чел. (15,5%). В эту тенденцию не вписывается только малочисленность «когорты» 41-45-летних (9 чел. – 6,9%). Дать исчерпывающее объяснение этой «девиации» сложно; по-видимому, она была вызвана демографическим «эхом войны». Ретроспективная кадровая документация не позволяет определить средний возраст партхозноменклатуры обкома. В количественном отношении преобладали работники в возрасте 50 и менее лет (58,8%). Очевидно, возрастная медиана (возраст, который делит группу пополам; показатель близкий, но не тождественный среднему возрасту) составляла 47-48 лет. Таким образом, за полтора десятилетия, с 1972 по 1988 гг., средний возраст хозяйственного руководства среднего (регионального) звена существенно не изменился. Хозяйственное руководство в возрастном отношении стало более дисперсным; значительно увеличилась доля крайних возрастных групп. Например, «младшая» возрастная страта (до 36 лет), в начале 1970-х гг. представленная одним сотрудником, в 1988 г. насчитывала 10 человек (8,4%). В 1972 г. в директорском корпусе отсутствовали работники младше 30 лет; в 1988 г. их было 2 чел.⁹ Очевидно, повышение образовательного уровня номенклатуры способствовало – в отдельных случаях – более быстрому служебному продвижению. Стереотипное представление о 1970-80-х гг. как о периоде кадрового «застоя», социальной геронтократии, подтверждается только значительным количеством сотрудников старше 60 лет (11 чел.); в 1972 г. в «пенсионном» возрасте находился только один руководитель. Наибольший возраст имели руководители ведомственных органов управления (областных управлений, комитетов), интегрированных промышленных комплексов (АПК, НПО, производственных объединений); почти все они были старше 55 лет. Самые молодые директора предприятий (до 30 лет) были в традиционном, технологически простом производстве (текстильная промышленность) и, наоборот, в передовой отрасли, где были вакансии и возможности служебного роста (производство средств автоматизации и систем управления).

Данные по стажу свидетельствуют о подвижности персонального состава руководства предприятий. На 1 апреля 1988 г. 65 – почти половина – директоров (начальников, управляющих) находились в должности менее 3-х лет¹⁰. Эти сведения коррелируют с коэффициентом сменяемости сотрудников. В течение года сменились 19 руководителей (14,2%); в основном уход с должности был обусловлен (формально) не служебными причинами (болезнь, выход на пенсию, семейные обстоятельства и т.д.) – 52,6 % (10 чел.). Количество снятых с должности по причине служебного несоответствия (в кадровой отчетности обозначены как «скомпрометировавшие себя») и по-

лучивших должностное повышение было почти одинаковым (соответственно, 3 и 4 чел.). С другой стороны, многочисленными были примеры длительного пребывания в должности; 32 руководителя (24%) имели должностной стаж более 10 лет. Руководящий опыт можно оценить по такому показателю, как стаж управленческой деятельности в своей отрасли. Значительное большинство работников (104, т.е. 78%) находились на ответственной и руководящей работе в пределах ведомства (отрасли) более 10 лет. Сравнительная небольшая часть сотрудников (23 чел. – 17,3%) занимала ответственные посты (в одной отрасли) менее 5 лет. Отчасти это обусловлено ведомственностью, т.е. межотраслевыми барьерами, в том числе кадровыми. Горизонтальные (межведомственные) перемещения как причина сменяемости руководителей в кадровой отчетности 1987-1988 гг. отсутствуют. Кроме того, существовала номенклатурная «табель о рангах», которая регламентировала этапы административного «восхождения» (даже, в какой-то мере, их продолжительность); перешагнуть их было весьма сложно. Показателем «демократизма» социального состава партхозноменклатуры является высокая доля работников, начинавших трудовую деятельность рабочими/колхозниками (78 чел. – 56,6%). «Рабоче-крестьянское» происхождение рассматривалось как положительная характеристика, дававшая, в ряде случаев, карьерные преференции. Вузовское образование для директоров предприятий было «требованием по умолчанию». С точки зрения образования первый руководитель должен был, по крайней мере, не уступать подчиненному персоналу, его квалифицированной части. В 1988 г. высшее образование имели 117 (87,9%) хозяйственных руководителей, состоявших в номенклатуре обкома; двое из них были кандидатами наук. Удельный вес сотрудников со средним (и ниже) образованием был небольшим. В рассматриваемой когорте управленцев 14 сотрудников имели среднее специальное образование, 1 – среднее общее и 1 – начальное образование¹¹. Средне-специальное образование имели директора предприятий по переработке с/х сырья (молочная, текстильная промышленность и т.д.), строительно-монтажных трестов. В этих отраслях общий образовательный «ценз» персонала (административного, производственного) был самым низким.

Перестроечные преобразования, особенно политические реформы 1988-1991 гг., существенно изменили состав региональной элиты, соотношение входящих в нее групп. Снизилось значение партийно-хозяйственного управления; к концу 1980-х гг. стал заметным отток управленческих кадров из партийного в советский аппарат. «Руководящая роль партии» была главным объектом критики и «мишенью» организационно-административных преобразований на рубеже 1980-90-х гг. В 1989 г. были упразднены хозяйственные отделы в парткомах, т.е. ликвидирован аппарат партийного управления экономикой. Принадлежность к партноменклатуре перестала быть атрибутом принадлежности к высшей социальной страте. Директора предприятий, топ-менеджеры и другие «производственники» были выведены из партийной номенклатуры. Функции КПСС – до этого всеохватные – были ограничены кадровой и пропагандистской деятельностью. В 1990 г. номенклатура Куйбышевского обкома включала 1939 сотрудников; из них лишь несколько десятков (менее 2%) являлись хозяйственными руководи-

телями. Из этого номенклатурного списка к административно-экономической элите может быть отнесена часть заместителей председателей областного и городского исполкомов советов (39 чел.), ответственных за хозяйственный «блок» управления. Среди них 20 чел. были по образованию инженерами (в т.ч. 11 инженеров промышленности, 8 – строительства, 1 – транспорта) и курировали социально-экономическую сферу. Дезорганизация системы советской власти проявилась в высокой текучести кадров; в течение этого года сменились 12 (почти треть) работников, в т.ч. 4 – в связи с должностным повышением, 2 – по внеслужебным (выход на пенсию, семейные обстоятельства и т.д.) причинам¹².

Лозунги построения «рыночного социализма», возврата в «мировую цивилизацию», популярные на завершающем этапе «перестройки», были «оформлением» процесса, который по сути представлял собой переход к сырьевому («компрадорскому») квазикапитализму. «Мотиватором» этого процесса было стремление партийно-хозяйственной элиты избавиться от таких «ограничителей», как партийная идеология (и ее «моральный кодекс»), государственная собственность; капитализировать властный ресурс, превратив его в собственность. Глубочайшая общественная трансформация, состоявшаяся на рубеже 1980-90-х гг., имела черты социальной революции (изменение отношений собственности, идеологических основ и способа легитимации власти), кроме одной (важнейшей): не произошло смены (ротации) элит. Партийно-комсомольская и хозяйственная номенклатура в новом обществе сохранила социальные позиции; большая ее часть вошла в состав властной и бизнес-элиты «новой» России. Процесс разложения элиты, начавшийся в позднесоветский период, получил продолжение в рамках другой социальной формации. По многим параметрам он усилился, поскольку антикоммунистический переворот предоставил элите возможность неограниченного (не регламентированного) потребления.

Примечания

¹ Крыштановская О.Н. Современные концепции политической элиты и российская практика. URL.: <http://dissers.ru/nauchnye-stati/a54.php/>

² Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1946-1991 гг.). С.77-82. URL: <http://socioline.ru/pages/vp-mohov-regionalnaya-politicheskaya-elita-rossii>.

³ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.124. Д.4. Л.39-48.

⁴ ГАСО. Ф.Р-5004. Оп.1. Д.1. Л.1-18, 135.

⁵ Муравьев Е.Н. Продовольственная программа – дело всенародное. Куйбышев, 1983. С.290.

⁶ Куйбышевская область: историко-экономический очерк. Куйбышев, 1977. С.182.

⁷ Там же. 3, 7-10.

⁸ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.14-78, 123-145.

⁹ Там же. Л.34, 65.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.14-89, 124-132.

¹¹ Там же.

¹² СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.359. Л.2-81.

АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ П.И. САВЕЛЬЕВА

тановление Петра Ивановича Савельева как историка-аграрника неразрывно связано с тремя высшими учебными заведениями Самарской области. Его путь в науку начинался на студенческой скамье Самарского (Куйбышевского) государственного университета, где он успешно прошел все ступени карьерной лестницы от студента, аспиранта, преподавателя, доцента, профессора кафедры российской истории. Около 9 лет он работал ректором Самарского муниципального института управления (1998-2007 гг.). С 2007 г. он перешел на работу в Самарскую государственную сельскохозяйственную академию, где по его инициативе был создан институт управления технологий и аграрного рынка.

Биография П.И. Савельева получила освещение в статье П.С. Кабытова¹. Его жизненный путь отражен также в ряде статей, опубликованных в региональных энциклопедиях².

П.И. Савельев родился 12 сентября 1954 г. в селе Старое Суркино Шенталинского района Куйбышевской области. Мать, Анна Григорьевна, родом из крестьянской семьи, всю свою жизнь была занята крестьянским трудом и воспитанием четверых детей (Любови, Надежды, Веры и Петра), которых она с детства приучала к самостоятельной жизни. Отец, Иван Григорьевич, в 1939г. в составе войск Красной Армии участвовал в присоединении западных областей Белоруссии и Украины к Советскому Союзу, был одним из строителей Брестской крепости. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в обороне Северного Заполярья, в охране Дороги жизни в осажденный Ленинград. Иван Савельев с боями дошел до Норвегии, командовал отделением полковой разведки. После окончания войны Иван Григорьевич работал в колхозе мельником.

П.И. Савельев начальную школу окончил в деревне Аделаидовка Шенталинского района. Кстати, школа размещалась в фамильном доме крестьян Павловых, из которых происходила Анна Григорьевна Савельева, мать Петра Ивановича. Отец ее, Григорий Филиппович Павлов, владея середняцким хозяйством, в конце 20-х гг. был раскулачен, так как его внесли в списки зажиточных крестьян. Восьмилетку П.И.Савельев окончил в средней школе своего родного села Старое Суркино. Общее образование было им завершено в средней школе совхоза «Коммунар» Красноярского района, куда он перевелся в связи с переездом родителей.

* © Кабытов П.С. - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой российской истории Самарского государственного университета, 2014 г.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований (Аграрная история XX в.: историография и источники. Грант № 13-01-00081).

Уже со школьной скамьи П.И. Савельев увлекся чтением художественной литературы. Он читал запоем исторические романы и документальные повести. Он любил слушать рассказы отца об эпизодах Великой Отечественной войны. Его не могли не волновать и воспоминания матери о тяжком и непосильном труде односельчан в годы лихолетья. Все это, наряду с прочитанным, создавало новые представления об истории. В этой связи не случаен был для него выбор будущей профессии. Конечно, повлияли и уроки истории, которые проводил в 5-6 классах учитель Станислав Иванович Китаев.

В 1971 г., после окончания средней школы П.И. Савельев поступил учиться на специальность «История» факультета гуманитарных наук Куйбышевского государственного университета. Он сумел довольно быстро адаптироваться к условиям студенческого быта. Студент Савельев активно участвовал в художественной самодеятельности, выезжал на работу в составе строительных отрядов, но главным для него оставались учеба и постижение научных истин. Он с большим увлечением слушал лекции профессора Е.И. Медведева, доцентов Б.Д. Козенко, Л.В. Храмкова, Г.И. Матвеевой; только что окончивших аспирантуру выпускников Московского, Казанского и Саратовского университетов Н.Н. Кабытовой, Г.А. Широкова, М.И. Леонова и др. Уже на втором курсе П.И. Савельев избрал в качестве курсовой работы непопулярную по тем временам и сложнейшую для исследования тему «Помещичье хозяйство Самарской губернии в начале XX века». Затем по этой теме в 1976 г. им был представлен научный доклад на Всесоюзный конкурс студенческих работ. Жюри конкурса присудило П.И. Савельеву I место. Он был награжден Грамотой ЦК ВЛКСМ, Министерства высшего образования СССР и ценным подарком – часами. Успешно он защитил по этой проблеме и дипломную работу.

После окончания университета П.И. Савельев был направлен на работу преподавателем истории и обществоведения в среднее городское профессионально-техническое училище № 34. Затем он был призван в ряды Советской Армии. Военскую службу он нес в Алма-Ате на боевом дежурстве войск ПВО, которые занимались охраной воздушных границ и контролем за полетами самолетов гражданской авиации в приграничной с Китаем полосе. В редкие часы увольнений П.И. Савельев знакомился с прекрасной казахской столицей, любовался зеленым нарядом алма-атинских улиц, бывал на высокогорном катке Медео.

Армейская служба способствовала формированию ряда важных качеств будущего ученого, впоследствии руководителя – четкости в мыслях и действиях, решительности и ответственности при принятии решений. Возвратившись из рядов Советской Армии, П.И. Савельев вновь работает в СГПТУ-34, а затем проходит по конкурсу на должность ассистента в Куйбышевский государственный университет, где преподавательскую работу сочетает с учебой в аспирантуре. П.И. Савельев, активно включившись в изучение аграрной истории и, прежде всего, эволюции помещичьего хозяйства, не мог пройти мимо тех новых тенденций, которые получили разви-

тие в фундаментальных исследованиях видных историков-аграрников А.М. Анфимова³, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова⁴. В его кандидатской диссертации «Помещичье хозяйство Самарской губернии в пореформенный период 1861-1905 гг.» основное внимание было сосредоточено на изучении социально-экономического строя дворянских имений⁵. Помимо традиционных методов, П.И. Савельевым при анализе источников и, прежде всего, материалов, сохранившихся в фонде Государственного Дворянского земельного банка, был использован корреляционный анализ, что позволило более рельефно показать темпы эволюции различных типов помещичьих хозяйств.

Уже первые его статьи и выступления на конференциях средневожского объединения историков-аграрников в Саранске, Чебоксарах, Казани, Йошкар-Оле показали перспективность изучения истории помещичьего хозяйства.

В 1983 г. П.И. Савельев успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в диссертационном совете при Казанском государственном университете. Диссертация получила высокую оценку, которая прозвучала в отзывах официальных оппонентов. Так, Ю.И. Смыков высказал мнение о необходимости шире использовать наряду с традиционными математические методы при анализе аграрного строя Поволжья⁶. Перед молодым историком стояла дилемма: продолжать ли изучение эволюции помещичьего хозяйства в рамках всего Поволжья или избрать другую тему.

В 80-е годы XX столетия все еще продолжала оставаться дискуссионной проблема уровня развития капитализма в российской деревне в конце XIX – начале XX вв. Дискуссия велась и о соотношении направлений и путей развития аграрного капитализма. Официальной советской историографии противостояли представители нового направления в отечественной историографии – А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, М.Я. Гефтер, В.П. Данилов, которые считали, что капиталистический строй в российской деревне не стал господствующим, а в экономике России, в том числе и в аграрном секторе, сохранилась многоукладность⁷.

Эти актуальные проблемы не могли не волновать П.И. Савельева, который сосредоточил внимание на исследовании особенностей аграрной эволюции в Российской империи. Работа над докторской диссертацией продолжалась около двенадцати лет⁸. Ее тема была предложена П.И. Савельеву автором настоящих строк. Я мотивировал это предложение тем, что на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. необходимо было вновь обратиться к теоретическому изучению аграрной истории пореформенного периода. К тому же в ходе ее изучения появилась бы возможность изучения региональной модификации аграрного капитализма в лесной, лесостепной и степной зонах Поволжья. Я пишу эту статью через двадцать лет после выхода монографии П.И. Савельева. В предисловии к книге Савельева я писал: «Исследователь, выдвигающий сегодня новый подход к проблеме двух путей буржуазно-аграрной революции, имеет дело с мощной традицией прежних взглядов

и представлений. Он должен решить: воспользоваться ли свободой научного творчества или идти проторенной тропой. П.И. Савельев выбрал первое. Он написал оригинальное исследование, в центре которого вопросы теоретические и методологические»⁹. Особо отмечу, что автором проделан большой объем работы по выявлению документов и материалов как в центральных, так и областных государственных архивах, уделяя первостепенное значение массовым источникам – первичной документации кредитных учреждений Государственного банка, отделений Дворянского и Крестьянского банков, официальной и земской статистики, а также первичных карточек Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.

В ходе работы с источниками историк в полной мере осознал необходимость использования наряду с традиционными количественных методов анализа, что обусловило создание оригинальных баз данных, которые автор творчески использовал при определении границ региональной модификации аграрного строя и анализе темпов развития аграрного капитализма. Речь идет об использовании корреляционного и кластерного анализа и других статистических методов. При этом вполне современно для первой половины 90-х гг. XX в. звучит вывод о том, что преодоление методологического кризиса возможно «только через максимальное освобождение от априорных социологических схем, через обращение к человеку, чья жизнь и труд составляют собственно историю, в том числе аграрную...»¹⁰.

Структура монографии нетрадиционна. Она состоит из «Введения», трех разделов, «Заключения», «Приложений» и указателя имен. Во «Введении» содержится обзор историографии и источников, сформулированы основные концептуальные идеи, которые автор подтверждает громадным материалом в ходе анализа аграрной эволюции в Поволжье. Кроме того в каждом разделе имеется историографическое введение, которое автор именует «Проблема». Особое значение имеют главы первого раздела «Типология аграрного развития России», в которых «впервые поднят вопрос об истоках русских аграрно-типологических концепций»¹¹.

В центре внимания автора труды Н.Г. Чернышевского, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, а также концептуальные построения С.Н. Булгакова. Автор подчеркивает, что методологическим ядром для С.Н. Булгакова послужили два тезиса «о принципе народонаселения, точнее о емкости территории относительно земледельческого населения, а также о законе убывающего плодородия почвы»¹². Также детально анализируются труды В.И. Чернова, Н.П. Огановского, В.А. Косинского. Не обойдены вниманием и концепции выдающихся представителей организационно-производственного направления А.В. Чайнова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева, Н.Н. Черненкова. Вполне правомерно выделены два аспекта исследований Чайнова «теоретический (концепции природы крестьянского хозяйства, типов его дифференциации, а также сельскохозяйственной эволюции в целом) и методологический (критерии для типологии аграрной эволюции, метод изоцен...)»¹³.

Автору удалось органично вписать ленинскую концепцию двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве в историческую ткань аграрно-экономической мысли начала XX века, что имеет принципиально важное значение для отечественной историографии¹⁴.

Итак отечественная наука уже в начале XX в. обладала богатым опытом изучения аграрного строя Российской империи. Как отмечалось выше особо выделялись работы А.В. Чайнова, Н.П. Макарова, Н.Н. Черненкова, Н.П. Огановского. Но эти традиции были прерваны в период становления советской исторической науки на рубеже 20-х – 30-х гг. XX в. А историческая наука стала развиваться под жестким идеологическим контролем. В 60-х – 70-х гг. историки А.М. Анфилов, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер предприняли попытку нового прочтения ленинского наследия, однако это не привело к кардинальной перемене основных взглядов на пути аграрно-капиталистической эволюции в России XIX – начала XX в. Дальнейшая теоретическая работа в этом направлении была остановлена

На рубеже 70-80-х гг. появились крупные монографические исследования по истории сибирской, северо-кавказской, поволжской деревни, северо-запада Европейской России. Все явственнее прослеживалась тенденция к применению современного исследовательского инструментария, изучению методологических аспектов аграрной истории.

Преодоление П.И. Савельевым традиционных взглядов нашло отражение как в постановке проблемы, так и в путях ее решения. Комплексная типология аграрного развития на основе многомерного статистического анализа придает его исследованию целостный характер. В нем хорошо согласуется природно-климатический, этно-демографический и социально-психологический факторы, связанные воедино с социально-экономическими процессами. В книге показано взаимодействие двух основных типов хозяйства – помещичьего и крестьянского – и одновременно глубоко анализируется их внутренний строй.

Весьма актуально сегодня звучит главный вывод автора о том, что стержнем аграрной эволюции Поволжья, да и всей России, в пореформенный период выступило крестьянское хозяйство.

Диссертация была успешно защищена в 1995 г. в диссертационном совете при Уральском государственном университете. Официальными оппонентами профессорами А.П. Корелиным, Н.А. Миненко, В. Пундани была дана высокая оценка выводов П.И. Савельева в изучении аграрной истории – в ее теоретическую разработку. Столь же высокая оценка содержалась и в отзыве ведущей организации (МГУ им. М.В. Ломоносова), подписанном академиком И.Д. Ковальченко.

Следует особо отметить вклад П.И. Савельева в изучение и популяризацию истории Самарского края. Он принял участие в написании коллективных работ «Очерки истории Самарского края», «Земля Самарская», «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», в издании Самарской историко-культурной энциклопедии.

Изучение аграрной истории было продолжено П.И. Савельевым и в 90-е гг. Оно велось в рамках крупных проектов и грантов. В 1994 г. П.И. Савельев

проходил стажировку в Германии, в Тюбингенском университете, куда был приглашен профессором Дитрихом Байрау. Затем им был выигран грант Московского общественного научного фонда по проблеме «Имперский строй России в региональном измерении». Выполняя этот грант, он создал коллектив историков и участвовал в проведении в 1995-1997 гг. летних школ для молодых историков. П.И. Савельев совместно с американскими историками Марком фон Хагеном (Колумбийский университет), Джейн Бурбанк (университет штата Нью-Йорк), Стивенем Смитом (университет графства Эссекс), а также профессором Омского университета А.В. Ремневым руководил проектом «Империя и регион: российский вариант». В рамках проекта проводились семинары в Нью-Йорке, Омске и Самаре. Исследования проводились при финансовой поддержке фонда Форда. По итогам этой работы подготовлен сборник статей¹⁵.

При содействии фонда Макартуров был выполнен грант «Из колхозников в крестьяне», в котором дан анализ современного состояния крестьянских сообществ. По этой проблеме подготовлена к печати монография¹⁶. В ней акцентируется внимание на трех проблемах. Вновь в концентрированном виде П.И. Савельев анализирует концепции дореволюционных историков и экономистов по проблемам эволюции аграрного строя и развития капитализма в российской деревне. Справедливо отмечено, что началом «истинного крестьяноведения в аграрно-экономической мысли России следует признать так называемую организационно-производственную школу, сложившуюся в первой четверти XX века»¹⁷. Речь идет о работах А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева.

Автор прослеживает семейно-трудовые традиции русского крестьянства и говорит об отношении крестьян к реализации столыпинской аграрной реформы, которая, по его мнению, закончилась крахом. Он считает, что дело не в ошибках правительства, «а в неприятии крестьянством самой идеи преобразований»¹⁸.

Новые материалы приведены П.И. Савельевым о формах и методах проведения аграрной реформы 90-х гг. XX в. и о социальном самочувствии тружеников села.

Всего П.И. Савельевым написано свыше ста научных трудов, в том числе его перу принадлежат две монографии.

П.И. Савельев входил в состав докторского диссертационного совета при Самарском государственном университете и кандидатского при педагогическом университете. Он много раз выступал официальным оппонентом по диссертационным работам, им подготовлено несколько кандидатов наук.

Особо следует отметить общественно-политическую деятельность П.И. Савельева. В конце 80-х гг. он создал Куйбышевское отделение Всесоюзной ассоциации молодых историков. Им были инициированы проведение Алабинских чтений для учащихся на базе школы № 25 г. Самара (1992 г.), Всероссийских Платоновских чтений (1996 г.). П.И. Савельев вошел и в состав общественного комитета «Самара», оказывал помощь и поддержку в сборе

подписей за возвращение областному центру его исторического названия, выступал в прессе с публикациями на эту тему.

И, конечно, нельзя обойти его деятельное участие в становлении Самарского муниципального института управления, который был открыт в 1998 г., а затем института технологий управления и аграрного рынка при Самарской сельскохозяйственной академии.

Подводя итоги отмечу, что несомненно современный историк-аграрник, изучающий аграрную историю России начала XX в. многое может почерпнуть из исследований П.И. Савельева, что будет способствовать формированию новых концептуальных идей, обогащающих российскую историографию аграрной истории.

Примечания

¹ Кабытов П.С. К 50-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Савельева Петра Ивановича // Государственное и муниципальное управление в России. Самара, 2004.

² Кто есть кто в Самарской области. 2013. Ежегодное справочное издание. Самара. Век 21. 2013. С. 134; Энциклопедия Самарской области. Т. 4. Самара, 2012. С. 4-5.

³ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969; Он же. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки, 1959.

⁴ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок: XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

⁵ Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии. 1861-1905.: дис. . канд. ист. наук. Казань, 1983.

⁶ См.: Кабытов П.С. Судьба – Эпоха: автобиография историка. М., 2011. С. 227.

⁷ См.: Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. Теория, история, современность. М., 1987; Поликарпов В.В. «Новое направление» в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. и др.

⁸ См. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Изд-во «Самарский университет», 1994.

⁹ Кабытов П.С. От редактора // Савельев П.И. Пути аграрного капитализма. . . С.8.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Кабытов П.С. От редактора. . . С. 3.

¹² Савельев П.И. Пути аграрного капитализма. . . С. 33.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Кабытов П.С. От редактора. . . С. 8.

¹⁵ Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.

¹⁶ Савельев П.И. Социально-трудовые отношения в аграрном секторе. Экономика муниципального района. Самара, 2003.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 67.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Е ГГ.

1990-е гг. формирование новой региональной политической элиты Самарской области происходило в результате взаимной интеграции новых и старых элитных слоев. Сразу после августовских событий 1991 г. ядро российской политической элиты составили представители, вышедшие из демократического движения. Однако их число было явно недостаточным, они не смогли самостоятельно взять на себя функции государственного управления. Н.Ю. Лапина пришла к выводу, что в процессе формирования российской государственности компромисс новой власти с номенклатурой был неизбежен¹. Стоит признать, что процесс обновления элиты в Самарской области начался еще в конце 1980-х гг., когда серьезным образом изменился состав руководителей Советов из числа «второго эшелона» номенклатурных работников. Начался мощный карьерный рост у ряда выходцев из комсомола, которые в 1990-е гг. стали ключевыми фигурами региональной политической элиты. Именно к этой категории можно отнести К.А. Титова, возглавившего Куйбышевский городской Совет. Тогда же сделал важный шаг в политической карьере и О.Н. Сысуев, возглавивший Красноглинский райсовет.

Новая волна смены высшего руководства в регионах произошла в 1991 г. Инициатором такой смены выступал федеральный центр. После неудачи путча ГКЧП Б.Н. Ельцин начал менять прокоммунистически настроенных руководителей регионов. Новые главы областных администраций были назначены президентом по согласованию с соответствующим Советом народных депутатов и были подотчетны Б.Н. Ельцину². Главным критерием при назначении была политическая лояльность руководителя федеральному центру и личная преданность президенту Б.Н. Ельцину. Этот факт отмечал и В.А. Тархов, занимавший в 1991 г. должность председателя Самарского облисполкома и областного Совета: «Надо вспомнить обстановку, которая была при Борисе Николаевиче. Набор руководителей тогда происходил исключительно по принципу личной преданности»³. Подобная система распространялась и на нижестоящие уровни. В отличие от советских времен, когда от номенклатурной элиты требовалась верность партии, в новых условиях верность «персонифицировалась», означая пре-

* © Сюков А.В. - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, 2014 г.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)

данность вышестоящему лицу – президенту, губернатору, главе администрации⁴.

Затронул процесс смены руководителей регионов и Самарскую область. После событий августа 1991 г. Самарская область оказалась в «черном списке» регионов, руководители которых поддержали путч ГКЧП. Итогом стал указ Б.Н. Ельцина от 21 августа 1991 г. об отстранении В.А. Тархова от исполнения обязанностей председателя облисполкома и указ от 31 августа 1991 г. о назначении К.А. Титова главой администрации Самарской области⁵.

Став главой региона, К.А. Титов начал формировать свою команду. Если рассмотреть состав ключевых фигур губернаторской команды на уровне заместителей главы областной администрации (позднее вице-губернаторов), то можно отметить различие этих людей по профессиональной деятельности, образованию, социальному происхождению. Но их объединяли общие связи с губернатором на предыдущих этапах своей работы. К.А. Титов старался подбирать тех людей, в которых он был уверен, уверен как в их лояльности, так и профессиональных качествах.

Значительная часть руководящего состава областной администрации была из состава партийной, комсомольской, хозяйственной и советской номенклатуры. К этой категории можно отнести Ю.М. Логойдо, А.И. Родионова, А.А. Латкина, В.С. Мокрого. Это были люди, которых К.А. Титов давно знал по своей комсомольской и партийной работе, с которыми работал на предыдущих должностях, в том числе в качестве председателя Самарского городского Совета.

Однако команда губернатора не ограничивалась лишь выходцами из номенклатурной среды. Существовали и иные пути рекрутирования в систему областных исполнительных органов. Новым было включение в состав руководителей органов исполнительной власти большого числа преподавателей вузов, прежде всего гуманитариев. И в этом было отличие региональной элиты 1990-х гг. в сравнении с советским периодом. Советская элита была в значительной степени технократической. Среди элиты было много людей с инженерным или сельскохозяйственным образованием. Было также много людей, закончивших партийные учебные заведения. А для 1990-х гг. характерен рост гуманитариев среди различных групп элит, в том числе и региональной. Среди них особенно много было экономистов, что было вполне логично, т.к. сам К.А. Титов еще с 1970-х гг. проводил научные исследования по проблемам экономической эффективности основных средств, капитальных вложений и новой техники. Ключевыми фигурами из числа бывших вузовских преподавателей экономических дисциплин были Г.Р. Хасаев, В.Г. Мамигонов, А.П. Жабин. К числу бывших преподавателей относился и Ю.М. Бородулин, который получил историческое образование, занимался преподавательской деятельностью в Куйбышевском политехническом институте. Но уже в конце 1980-х гг. активно пошел в политику, став одним из лидеров демократического движения в регионе. Многие из

них также были давно знакомы с губернатором, особенно по совместной работе в Куйбышевском плановом институте.

Приход нового лидера был главным фактором смены элит в регионе. Именно этим объясняется относительно стабильный состав политической элиты на областном уровне, т.к. К.А. Титов относился к числу губернаторов-старожилов. А вот на уровне некоторых муниципалитетов состав команд менялся значительно чаще. Особенно четко этот процесс прослеживался в крупных городах области, где за постсоветский период сменилось сразу несколько руководителей, что влекло за собой значительные изменения в руководстве администраций. Однако первоначально радикальной смены элиты в городах и районах практически не произошло. Большинство назначенных в 1991 г. глав администраций занимали до этого посты председателей горисполкомов и райисполкомов либо первых секретарей горкомов и райкомов партии⁶. Лишь в ходе последующих выборов в середине 1990-х гг. в муниципалитетах произошло более масштабное обновление элит.

Одним из основных каналов формирования региональной политической элиты является получение статуса депутата местного законодательного (представительного) органа. Поэтому серьезные изменения в составе региональной элиты произошли в результате демонтажа системы Советов. Смена депутатского корпуса произошла в 1994 г., когда прошли выборы в Самарскую Губернскую Думу и муниципальные представительные органы. Деятельность Самарской Губернской Думы отличалась от работы областного Совета народных депутатов. Численность депутатов значительно сокращалась, тем самым повышался статус депутатского мандата.

В 1990-е гг. законодательные органы в регионах были зависимы от губернаторов. Самарская область не была исключением. Традиционно Самарскую Губернскую Думу называли «карманной», депутатов от оппозиционных партий было совсем мало. Еще большая зависимость от исполнительной власти была у городских и районных представительных органов. Анализ состава представительных органов показывает, что большинство из них являлось, как правило, сторонниками глав администраций и сотрудниками бюджетных организаций и предприятий. Проще всего достигнуть вертикального взлета можно было посредством выборов депутатов различных уровней, что делало эту группу элиты наиболее «открытой» для молодых кадров. В ходе выборов депутатов в начале 1990-х гг. были случаи избрания самовыдвиженцев из разных слоев населения, которые не обладали опытом работы в государственных структурах, не имевших связей с политическими партиями или финансово-промышленными группами. Во многие муниципальные представительные органы избирались в качестве депутатов учителя, врачи, работники промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Однако выборные кампании постепенно меняли характер. Все меньше «случайных» людей могли пробиться в законодательные и исполнительные органы, не заручившись поддержкой финансово-промышленных групп. Все более усиливалась и роль административного ресурса в вы-

борных кампаниях, что ограничивало возможность избрания депутатов, не получивших поддержки со стороны главы области или муниципалитета. В условиях завершения трансформации общественных институтов элитарная группа становится все более закрытой. Появлялось все больше барьеров для вертикального социального лифта. В конце 1990-х гг. был проведен анализ биографических данных высшего эшелона региональной политической элиты (губернатор, его заместители, главы городских и районных администраций, депутаты Самарской Губернской Думы). В ходе исследования выяснилось, что основная часть политической элиты Самарской области была представлена двумя возрастными группами: 40-49 лет (59,77%) и 50-59 лет (26,3%). Самой «молодой» была группа депутатов. В ней было относительно немного лиц в возрасте старше 50 лет (24%) и больше, чем в других группах, процент политиков моложе 40 лет (16%)⁷. В образовательном плане большинство политических лидеров региона можно отнести к «технарям». 49,5% политиков закончили технические вузы. Особенно велика была доля «технарей» среди депутатов Самарской Губернской Думы – 63%. Это объяснялось большим количеством руководителей промышленных предприятий в депутатском корпусе. На втором месте было сельскохозяйственное образование. Оно было в основном у руководителей сельских районов. Третье место занимало экономическое образование (15%), которое получили многие заместители губернатора. Среди них этот показатель достигал 50%⁸. Это касалось первого высшего образования. В 1990-е гг. была характерна тенденция по получению второго высшего образования среди областных и муниципальных руководителей. Особенно популярно было получение юридического и экономического образования. Появилась тенденция и по защите диссертаций в этих областях. Например, губернатор К.А. Титов стал доктором экономических наук. Изменение критериев рекрутирования в политическую элиту объяснялось переходом к новым реалиям общества. Для советской элиты решающими факторами были исполнительность и отношения личной преданности. В конце 1990-х гг. данные критерии были тоже важны, но их роль постепенно ослабевала. В условиях демократизации политической жизни и становления рыночных отношений на первую роль вышли другие критерии. В ходе экспертного опроса, проведенного Э.Б. Куприянычевой в 1998 г., выяснилось, что определяющими факторами продвижения в состав политической элиты Самарской области были: поддержка экономических и финансовых структур (96%) и личностные качества политика (94,3%). Далее следовали связи однокашников и приятельские отношения внутри элиты (82%), а также профессионализм и компетентность политика (80,5%). Лишь следом были отношения личной преданности и покровительства (77%) и исполнительность (72%). В советские времена последние факторы были решающими. Кроме того, в числе факторов продвижения в состав политической элиты отмечались поддержка СМИ (71%), идеологические убеждения (63%), поддержка широких масс населения (59,5%), земляческие связи (50,8%), семейно-родственные связи (46%), национальность (44%)⁹. Таким образом, полной смены ре-

гиональной элиты на рубеже 1980-1990-х гг. не произошло. Можно говорить лишь об обновлении элитарного слоя. Политическая элита Самарской области сформировалась в начале 1990-х гг. из числа старой номенклатуры, комсомольских работников среднего звена, выдвинутых на руководящие посты накануне распада СССР, а также самовыдвиженцев, не связанных с прежней системой, заявивших о себе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К концу 1990-х гг. возможности для самовыдвиженцев несколько ограничились. Параллельно с этим шел процесс постепенного обновления элиты за счет индивидуального отбора. Руководители обновляли свою команду, включая туда новых лиц, причем факторы отбора в разных случаях довольно сильно отличались, что зависело от взглядов руководителя. Некоторые отдавали предпочтение личной преданности, другие больше ориентировались на профессиональные качества. Постепенно стали формироваться новые принципы, основанные на конкурсной процедуре, когда назначением занимались конкурсные комиссии на основании профессиональных качеств, профильного образования и необходимого опыта работы. Создавались специализированные учебные заведения для подготовки управленческих кадров. Однако эти нововведения не смогли уничтожить в полной степени архаические принципы, завязанные на знакомстве, родственных связях и т.д.

Примечания

¹ Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис. . . докт. пол. наук. М., 2004. С. 79.

² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р 5140. Оп. 1. Д. 1. Л.2.

³ Самарский курьер. 2000. 8 июня. С.4.

⁴ Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис. . . докт. пол. наук. М., 2004. С. 56-59.

⁵ ЦГАСО. Ф. Р-5140. Оп. 1. Д. 1. Л.5.

⁶ Политики Самарской области: кто есть кто (1988-1998 годы). Самара, 1999. С. 126-128.

⁷ Куприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области // Полис. 1999. №3. С. 117.

⁸ Самарское обозрение. 1998. № 24. С. 5.

⁹ Там же. С. 4-5.

**ИНТЕРВЬЮ С П.С. КАБЫТОВЫМ О ПРОВЕДЕНИИ В САМАРЕ
XXXIV СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

22-25 сентября 2014 г. В Самарском государственном университете состоялась XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «**Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X-XXI вв.**». Сессия проводилась в рамках отделения историко-филологических наук РАН и Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы. Организаторами Симпозиума выступили также Правительство Самарской области и кафедра Российской истории СамГУ.

В Симпозиуме приняли участие более 60-ти преподавателей вузов и научных сотрудников России и 3 иностранных участника (Китай, Белоруссия, Украина). Гости конференции представляли научные организации Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Калининграда, Воронежа, Пензы, Вологды, Калуги, Казани, Краснодар, Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Екатеринбург, Пскова, Липецка, Уфы, Ярославля, Новосибирска, Тамбова, Оренбурга, Рязани, Орла, Коломны, Ростова-на-Дону, Славянска-на-Кубани, Тулы (всего 26 городов РФ). Председателем Оргкомитета Симпозиума выступила Елена Николаевна Швейковская (д.и.н., Институт славяноведения РАН), председатель Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы ОИФН РАН.

Сопредседатель Оргкомитета Симпозиума, заведующий кафедрой Российской истории СамГУ, советник ректора СамГУ, профессор Пётр Серафимович Кабытов дал нам интервью и поделился впечатлениями от прошедшего мероприятия:

- Скажите, что представляет собой прошедший Симпозиум? Каковы его истоки и первоначальные идеи, а также, кто участвовал в нём?

Идея Симпозиума и его практическая реализация произошли в 1959 году при поддержке АН СССР. С тех пор каждые 2 года проводятся такие сессии. В частности, в организации Симпозиума в советский период принимали участие учёные Эстонии, Литвы, Латвии, Молдавии, Украины. Изначально, рассматривались вопросы, связанные с изучением сельского хозяйства и крестьянства Восточной Европы эпохи феодализма, но потом после 1960-х годов стали активно обсуждать вопросы истории крестьянства эпохи капитализма, периода войн, революций и социалистического строительства. С каждой сессией количество участников симпозиума возрастало и география расширялась: так, например, в 50-х – первой половине 80-х гг. он проходил в столицах бывших союзных республик. В России же сессии Симпозиума созывались в основном, в областных центрах Европейской части страны. Аграрный симпозиум созывался и в Уфе, и в Казани. И вот теперь Симпозиум провели и у нас в Самаре. Также, это связано с тем, какая проблематика обсуждается на сессиях Симпозиума. Прежде всего в центре внимания находятся те проблемы, которые являются дискуссионными или недоста-

точно изученными. Например, аграрная история, после революции 1917 года, изучалась преимущественно с точки зрения классовой борьбы. Главное внимание уделялось истории трех российских революций, деятельности КПСС. Так история сельской поземельной общины начала разрабатываться советскими историками только с конца 1950-х годов. Эта проблема обсуждалась на сессии Симпозиума в Вологде. Проблематика каждый раз меняется, и новая проблема принимается в ходе обсуждения на итоговом пленарном заседании. Также, Симпозиум помогает преодолеть методологический кризис и отойти от анализа исторического процесса и событий в чёрно-белом цвете: если большевики и рабочие – замечательно, а всё остальное – контрреволюционно и неинтересно. Раньше история страны изучалась, исповедуя принцип летописца Нестора, когда история государства сливалась с историей правителя и акцент ставился на рассмотрении глобальных тем. Необходимо переходить к микроистории – истории конкретного человека: как меняется сознание, как воспринимаются события, реформы, текущее законодательство, отношение к власти.

- Почему такую представительную конференцию провели в Самаре? Чем так положительно отличился наш город?

Потому, что здесь в 1970-80 гг. создавалась школа по изучению аграрной истории и были написаны и защищены кандидатские и докторские диссертации, как по истории крестьянства, так и по истории помещичьего хозяйства, дворянства и земства. Так, например, всего было защищено только на кафедре Российской истории свыше 20 докторских и около 50 кандидатских диссертаций. Потому, наша школа историков-аграрников получила признание не только в России, но и за рубежом.

- Кто из Самары и, в том числе, СамГУ принимал участие в Симпозиуме?

В организации Симпозиума важнейшую роль сыграл коллектив кафедры Российской истории Самарского государственного университета. На его основе был создан «малый» Оргкомитет, в состав которого вошли автор этих строк, профессор Э.Л. Дубман и доцент В.А. Тюрин, а также доцент Д.В. Серых. Здесь решались все организационные вопросы: переписка с участниками симпозиума; проблемы, связанные с приездом и размещением гостей, организация культурной программы, вопросы финансов и питания. Особую благодарность приносим министру сельского хозяйства и продовольствия Самарской области Виктору Вильгельмовичу Альтерготу, который оказал реальную помощь в проведении пленарного заседания Симпозиума и выступил с докладом о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства Самарской области. Мы благодарим сотрудников Министерства, которые по его указанию организовали экскурсию в с. Богдановку Кинельского района, где участники Симпозиума смогли познакомиться с современным животноводческим комплексом.

Наши профессора: Надежда Николаевна Кабытова и Эдуард Львович Дубман участвовали в качестве председателей секций – они выступали с докладами. Также, приняли участие в работе Симпозиума декан исторического факультета Юрий Николаевич Смирнов и мои ученики: Людмила Ми-

хайловна Артамонова (профессор СГАКИ), Наиля Фаридовна Тагирова (зав. кафедры истории в СГЭУ), Екатерина Петровна Барина (профессор Самарского филиала МГЭУ им. Плеханова). О каждом можно говорить очень много и долго. Несомненно, что их работы получили признание научной общности России

- Согласно программе, в Симпозиуме принимали участие гости из Китая. Не могли бы Вы рассказать подробнее кто это и как они стали участниками Симпозиума?

Конечно. Принимала участие стажер заведующего кафедры источниковедения и историографии МГУ им. Ломоносова Леонида Бородкина, Яньфэн Тан. Она приехала в Москву из Харбина, где работает в вузе преподавателем. Изучает эпоху феодализма. Достаточно прилично владеет русским языком, и её выступления были с интересом восприняты студентами и участниками Симпозиума. Всегда очень важно знать, чем занимаются наши иностранные коллеги, и какие методы в изучении они используют. Такие контакты очень важны для научного сообщества..

- Какие вопросы обсуждались в ходе Симпозиума?

В ходе симпозиума, в частности, обсуждались вопросы, связанные с фискальной и налоговой политикой. Большой интерес вызвала дискуссия, которая вспыхнула на заседании круглого стола по истории Первой мировой войны. Данная проблема находилась на втором плане в советские годы, так как основное внимание уделялось истории второй российской революции. В ходе дискуссии было высказано достаточно много интересных суждений, о том, как менялась повседневная жизнь под воздействием войны. Власть не могла решить проблему эффективного снабжения армии продовольствием и было интересно обсуждать проблемы, связанные с состоянием рынка инфраструктуры, ж/д транспорта. Участники круглого стола пришли к выводу о том, что ситуация на фронте и далеко за пределами фронта в тылу претерпела значительные изменения. А дестабилизация в тылу была вызвана большим притоком беженцев, что обусловило рост спекуляции и цен и жилищному кризису. Колоссальную роль сыграли солдаты тыловых гарнизонов, выступавшие в качестве силы, стремящейся решить проблемы войны и мира радикальным путём, что, в последствии привело к власти большевиков.

- На какие средства была проведена данная конференция? Кто является спонсором?

Обычно сессии Симпозиумов проводятся на гранты Российского гуманитарного научного фонда. Такой грант был выигран к.и.н., доцентом кафедры Российской истории СамГУ, Вадимом Александровичем Тюриным (600.000 р.), который полностью справился с нелегкими обязанностями ответственного секретаря конференции. Средства пошли на покрытие расходов проживания и проезда участников симпозиума, а также издание материалов конференции (обычно издаётся том в 600 страниц).

Необходимо отметить, что благодаря активной грантовой деятельности, в 2013-2014 гг. мы смогли издать 2-х томную историю Среднего Повол-

жья «Обретение Родины: взаимодействие власти и общества в XVI – начале XX века». В 2013 г. была возрождена археологическая лаборатория. На средства гранта РГНФ будет издана монография «Аграрная история XX века». В настоящее время завершается разработка гранта РГНФ по истории самарской элиты 60-90-х гг. XX в. Отрадно, что наши студенты тоже участвуют в выполнении этих грантов и мы, безусловно, стимулируем научную работу студентов и аспирантов. В какой-то степени, это также активизирует научную деятельность в студенческой среде.

- Есть ли особо отличившиеся лица, среди тех, кто обеспечивал работу конференции, которых Вы хотели бы отдельно отметить?

Отдельно хочу отметить вклад студентов и аспирантов в проведении Симпозиума. Львиная доля по встрече гостей и их размещению была связана с деятельностью студентов и магистров. Наши студенты и аспиранты участвовали в самих заседаниях не только в качестве слушателей, но и секретарей секций. По итогам работы конференции обязательно по линии ректората все волонтеры будут отмечены грамотами. В частности, Оргкомитет Симпозиума также положительно отметил наших волонтеров. Так, например, к.и.н., доцент кафедры Российской истории, Зоя Михайловна Кобозева ездила в аэропорт и в ж/д вокзал и привозила наших гостей. Поэтому активность была, как говорится, не на словах, а на деле. И это – великолепно! И я всем им благодарен, так как в нужный момент они сказали своё реальное слово.

- Известно, что в последние дни конференции была экскурсия для участников Симпозиума. Что было показано гостям и где они побывали?

Наши гости ознакомились с достопримечательностями города, его культурным достоянием и памятными местами. Был показан исторический центр, в т.ч. памятник князю Григорию Засекину. Гости восхитились то, что центр - архитектурный комплекс конца XIX – начала XX века, отличительная историческая черта которого – он был построен на деньги, вырученные из продажи самарской пшеницы и муки на внешнем и внутреннем рынках. Также, гостям показали новый животноводческий комплекс в селе Богдановка (Кинельский район), построенный на средства ОАО «Электрощит», рассчитанный на 1.000 единиц крупного рогатого скота, где, помимо уже построенного зданий, будут сооружены молокозавод и биохимический завод по переработке органических отходов. Очень важно было показать участникам Симпозиума, что в Самарской губернии делаются реальные шаги по развитию сельского хозяйства.

- По итогам Симпозиума были ли достигнуты какие-то договорённости?

Да. Было принято решение провести очередную сессию в Уфе. Причём была выдвинута проблема «Демографическая ситуация в России в XVI-XXI веках». Будут рассмотрены проблемы миграции, освоения территории и взаимоотношения народов и этносов. Эта проблема имеет достаточно важное политическое и социо-культурное значение.

- Уже известны сроки проведения конференции исторического факультета «Всероссийские Платоновские чтения». Можно ли ожидать, что в этом

году кто-то из участников симпозиума направит своих учеников к нам на конференцию?

В частности, когда мы напомнили нашим коллегам о Всероссийских Платоновских чтениях, это вызвало у них живой интерес, так как многие люди о них уже знали и эта конференция позволяет подвести некоторые итоги. Среди участников чтений есть как доктора наук, так и свыше 250 человек - кандидаты наук, что ярко показывает уровень конференции. На конференцию также приезжали иностранные гости из Китая, Украины, Белоруссии и Англии. Всё это показывает, что мы не впустую работаем и помогаем в становлении новой генерации российских историков. Также планируем выведение сборника чтений в РИНЦ.

- Будут ли проводиться другие не менее крупные конференции в Самаре и СамГУ?

Сейчас обсуждается вопрос о проведении конференции по истории самарского земства: в следующем году будет его 150-летие. К слову, именно в Самаре впервые возникли земские учреждения. Так, Александр Иванович Солженицын, приезжая в 1995 г. в Самару по приглашению бывшего губернатора Константина Алексеевича Титова, постоянно подчёркивал необходимость введения земства, так как считал, что земство – самая рациональная система самоуправления, при которой люди, будучи из различных условий, могли реально изменить ситуацию в своём регионе. Земство реально ориентировало сообщество на решение местных нужд. И тут две даты: 150 лет земству и 20 лет посещения Солженицыным Самарской области. Также, думаю, что будет проведена конференция, посвящённая Великой Отечественной войне, однако актуальных проблем великое множество. Так, совместно с краеведческим музеем им. Алабина будет проводиться конференция по историческому краеведению. То есть активность очень большая и мы активно участвуем как в организации, так и проведении научных конференций.

*Материал подготовил студент 5 курса
исторического факультета СамГУ,
заместитель председателя СНО исторического
факультета СамГУ, Ганкин С.В.*

САМАРСКИЙ МЕДАЛЬЕР ВЯЧЕСЛАВ АГАФОНОВ

Жизнь идет своим обычным чередом. Мы погружены в домашние хлопоты и производственные проблемы. Спешим все успеть и не успеваем ничего. Злимся на автобусных остановках и в суете вокзалов. Устаем от смены погоды и повседневного хамства.

Ждем завтрашний день, который должен "все изменить". А когда он становится "вчерашним", забываем его, как и тысячи других, похожих друг на друга дней нашей жизни. Такой длинной и такой короткой.

Неожиданно судьба дарит нам встречу с удивительной книгой, потрясающим фильмом, необыкновенной песней, и мы останавливаемся, пораженные, не понимая и спрашивая себя: "Кто, когда, где, как смог, успел, посмел создать такое чудо?" Мы начинаем вглядываться в лица знакомых и незнакомых людей, в окружающий нас мир и открывать его заново, находя родные черты, созвучные мотивы, забытые краски, обнажая великолепие и глубину нашего бытия.

Человек, о котором идет речь, никогда не уйдет от нас. Он уже существует вне времени и пространства. Он стал частицей нашего города, его истории и культуры. Ему выпал жребий прославить Самарский край в металлической миниатюре, в прекрасных медалях и памятных знаках. Кто-то должен был сделать это. Судьба выбрала его. Вячеслав Агафонов – первый за 400-летнюю историю города самарский художник-медальер. И на сегодня единственный. Даже если когда-то и кто-то из наших земляков прикоснется к таинству общения с металлом, он не сможет повторить Агафонова. Ибо настоящий мастер уникален и неповторим. Агафонов – настоящий мастер. Природа одарила его талантом художника и, что не менее важно, самыми ценными чертами человеческого характера.

Я редко встречал людей, излучающих столько доброты, человеческой теплоты и любви к жизни, к тем, кто вокруг, к своей работе. Работа захватывает его всего целиком, без остатка. Он заложник своего творческого космоса, его безграничности и его жестких канонов. Он не имеет права надолго остановиться, расслабиться, заняться чем-то иным. Он понимает, что это его крест, и с достоинством несет его, даже если приходится, стиснув зубы, жертвовать многим из того, к чему стремятся и чем дорожат другие.

Но это не означает, что Агафонов – аскет. Хотя сказать, что Вячеслав живет полной жизнью, неточно. Он поглощает ее, он безумно ей рад, насыщается ею, как ребенок. Его мироощущение и творчество неразрывны. Медали Агафонова несут на себе печать его настроения, эмоций, радости открытий и встреч. И каждая из них рождается со своим характером, кото-

* © Завальный А.Н. – главный библиограф Самарской областной универсальной научной библиотеки, 2014 г.

рый в момент создания медали вложил мастер в теплый от его рук кусочек металла.

Обилие сюжетов поражает. Самарские воеводы, губернаторы, купцы, подвижники, пастыри церкви и обычные горожане – наши современники. Дома старой Самары. Словно сказочные дворцы и теремки, смотрят они на нас, вызывая легкую грусть по ушедшему детству, чувство родства с городом и людьми, спокойную и уверенную гордость за край, в котором ты живешь. А разве не так? Разве не в одном из лучших городов планеты мы встретили свою первую любовь? И не в самой прекрасной реке мира радостно плещутся наши дети? И не этим старинным улочкам доверяем мы нашу печаль и нашу радость? И не эта ли земля стала последним приютом близких и дорогих нам людей?

Мастер боготворит Самару. Город – главное событие его жизни, друг, перед которым он постоянно чувствует себя в долгу. Мастер спешит. Он торопится успеть осуществить свои замыслы. А их несчетное множество. Заканчивается работа над очередной медалью, а уже наплывает новый образ, звучит новая тема, которая овладевает мастером и не покидает, пока не воплотится в послушном его воле материале.

Агафонов одновременно романтичен и вдумчив, рационален и неистов в своем труде. Наблюдать, как под рукой мастера оживает кусочек бронзы, как рождается чудо медали, безусловно, очень интересно. Но не менее увлекателен и сам путь к медали. Вячеслав внимательно просматривает краеведческую литературу, выпускаемые областной библиотекой ежегодные календари знаменательных и памятных дат, консультируется с краеведами. Наконец он определяет тему будущей медали. Зачастую она связана с предстоящим юбилеем или крупным событием в области культуры. Что, в общем-то, для медали логично.

И начинается постижение образа, проникновение в атмосферу, в суть эпохи, которой посвящается работа. Мастер знакомится с документами и материалами, изучает фотографии, вместе с историками обсуждает детали интерьера, одежды, особенности архитектурного стиля. Он переносится в иную эпоху, растворяясь в ней. Живет вместе с персонажем, ходит с ним по улицам Самары. Он слышит грохот битвы и крики извозчиков, колокольный звон и удары весел о воду. Перед ним проходят, едва не окликаая его, угрюмые стрельцы и озабоченные чиновники, стремительный, энергичный Алабин и задумчивый, медлительный Аксаков. Он сам, очарованный видением, готов окликнуть их, позвать с собой. И словно спохватившись, спешит, пока они еще здесь, перед ним, лепить образы. Затем берет в руки резец и бережно переносит их к нам, в Самару начала XXI века. И мы узнаем их, признаем за своих, за наших земляков. Мы прикасаемся к металлу, впитывая неповторимый колорит давно ушедших времен. Рождается чувство взаимосвязи людских поколений, надежда на бесконечность нашего "я", нашего "мы". Мы твердо стоим на ногах, ибо знаем и помним: здесь наши корни, наша история, наше прошлое, настоящее и будущее.

Вероятно, человеческое общество можно поделить на людей, которые пишут стихи и которые их не пишут. Агафонов пишет стихи. Он не поэт, не профессионал. Да он и не претендует на это. Он просто пишет стихи, для себя, для друзей, знакомых. Вкладывая в рукописные строчки то, чего не сказал в металле. Он посвящает их любимой женщине, другу, ручью, полевым цветам.

*Была бы ты.
Да чистый лист с пером.
И побегут ряды горячих строчек,
Я без конца
Писал бы об одном -
Как я люблю, без запятых и точек.*

И рядом:

*Я не скажу, что будет все иначе.
Ведь ты должна сама меня понять:
Я человек надежды и удачи,
Которого ничем не удержать.*

Счастливы ли мастера? Повезло ли ему в жизни? Наверное, да. И, несомненно, повезло городу, самарцам. Рано или поздно мы все уйдем. Достигнув того, чего хотели, или остановившись на полпути. Купаясь в роскоши заморских курортов или считая последние гроши. Возмущаясь несправедливостью мира и мучаясь от сытого безделья. Ища и находя, теряя и вновь находя точки опоры, точки соприкосновения, приближая тот счастливый миг, когда все вдруг начинают чувствовать, что у них одна страна и одна судьба. И, наверное, я не ошибусь, если скажу, что Вячеслав Агафонов помогает нам находить точки соприкосновения.

Даты жизни и деятельности В.В.Агафопова

1949, 4 декабря – родился в Куйбышеве в семье рабочего – выходца из крестьян с. Ермаково Самарской губернии. Мать – бухгалтер из мещанской самарской семьи.

1967 – окончил среднюю школу № 63 г. Куйбышева. Поступил в Куйбышевский политехникум связи на отделение “Городская телефонная связь”. Окончил в 1972.

1968 – 1970 – служба в железнодорожных войсках Советской Армии в Свердловске.

1972 – поступил на работу в Куйбышевский электротехнический институт связи лаборантом. В 1976 – 1992 заведовал лабораторией.

1978 – женился на Е.Н. Исквориной. Родилась дочь Мария.

1985 – выпущена первая медаль (гальванопластика). Посвящена 60-летию профессора А.А. Кольцова. Родилась дочь Дарья.

1993 – первый значок. Посвящен П.В. Алабину (портрет без надписей). Впервые передал в Самарский областной историко-краеведческий музей свои работы.

1994 – персональная выставка медалей в выставочном зале Самарской областной научной библиотеки. Выпустил первую чеканную медаль – “За особый вклад в региональную культуру”.

1995 – совместно с Д.В. Лышниковым и А.А. Подоляком выпустил первый транспортный жетон г. Самары, посвященный 50-летию Победы, с портретом Г.К. Жукова.

1995 – персональная выставка медалей в помещении «Лавки Рытикова» (филиал Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина).

1996 – начата чеканка серии историко-краеведческих медалей.

1997 – начата чеканка серии медалей “Самарские краеведы”.

2011 – персональная выставка медалей и жетонов в Самарской областной универсальной научной библиотеке.

2011 – передал в дар Самарской областной библиотеке свыше 150 книг (собрания сочинений русских и зарубежных писателей).

